

ИГОРЬ МОСКВИН

Петербургский с 1874 год, апре

Игорь Владимирович Москвин
Петербургский сыск. 1874 год, апрель

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12197488
ISBN 9785447429072*

Аннотация

Нет в истории времени, когда один человек не строил бы преступных планов, а второй пытался если не помешать, то хотя бы найти преступника, чтобы воздать последнему по заслугам. Так и Сыскная Полиция Российской Империи стояла на переднем крае борьбы.

Содержание

Глава первая. Сыскные заботы	5
Глава вторая. Находка на станции Стрельна	10
Глава третья. Снова расспросы	14
Глава четвертая. Все начинается в столице	18
Глава пятая. Кронштадт и новые ниточки	21
Глава шестая. Кронштадтские визиты	24
Глава седьмая. В сыском	28
Глава восьмая. Неспешная поступь	32
Глава девятая. Птичник с Петербургской	35
Глава десятая. По горячему следу	39
Глава одиннадцатая. В ночлежном доме	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Петербургский сыск. 1874 год, апрель

Игорь Владимирович Москвин

© Игорь Владимирович Москвин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава первая. Сыскные заботы

Апрель с первых дней удивил тёплой погодой, давно не помнили старожилы, чтобы зима сдавалась без боя, уступая весне своё снежное и морозное хозяйство. Солнце начало баловать землю ласковыми лучами и за последнюю неделю на небе не появилось не то, чтобы темной тучки, а простого белого облачка.

Ивана Дмитриевича Путилина, начальника сыскного отделения, соизволил вызвать перед свои светлы очи градоначальник генерал—адъютант Фёдор Фёдорович Трепов. Благо идти далеко не пришлось, находились на одной улице. У подъезда хозяина города при входе стоял привратник в шитом золотом чёрном камзоле, а перед сыскным отделением прохаживался приставленный полицейский, словно отбывал повинность.

В приёмной комнате было на удивление пусто, в одиночестве скучал адъютант градоначальника поручик Степанцов, высокий стройный человек с маленькими усиками на холёном лице и, так не вязавшимся с этим лицом, застенчивой детской улыбкой. Хотя кто близко знал молодого офицера, сказал бы, что это пример того, как бывает обманчива внешность. Жёсткий, требовательный не только к окружающим, но в первую очередь к себе, именно этим качеством он и привлёк внимание Фёдора Фёдоровича.

Поручик поднялся из—за стола и по привычке оправил китель:

— Иван Дмитриевич, я доложу Его Превосходительству о вашем приходе.

Путилина никогда не нравились неожиданные вызовы к вышестоящему начальству, складывалось ощущение какой—то вины, словно мальчишкой залез ложкой в банку с вареньем, все, казалось, бы убрал, а вот с губ стереть не догадался.

— Прошу, — поручик распахнул перед Иваном Дмитриевичем дверь.

Фёдор Фёдорович сидел за столом зелёного сукна, из окон падал яркий свет, и лучи солнца, проходя сквозь стекла косыми колонами, упирались в пол, натёртый до зеркального блеска.

Градоначальник и усами, и причёской, и статью походил на здравствующего ныне монарха, протрёт которого с четырёхаршинной высоты, взирал недобрым взглядом на вызванного по делу начальника сыскной полиции.

— Добрый день, господин Путилин! — Ответил на приветствие Трепов, посмотрев на Ивана Дмитриевича из—под густых бровей, взгляд и обращение по фамилии не предвещали ничего хорошего. — Присаживайтесь, — он даже не указал рукой на стул, как делал ранее.

Усталым движением Фёдор Фёдорович провёл рукой по усам, словно собирался с мыслями, нахмурил брови.

Путилин смотрел на градоначальника, а у самого мелькала шальная мысль, которая посещала в такие грозные минуты — внебрачный ли сын Трепов германского императора Вильгельма или простые досужие домыслы горожан?

— Иван Дмитриевич, — тон градоначальника сменился и стал не таким металлическим, — я вызвал вас в связи с тем, что сыскное отделение зарекомендовало себя исключительно с хорошей стороны. Государь вами доволен и просил передать свою просьбу, — посмотрел внимательно на Путилина, чтобы вы оказывали помощь губернским властям в запутанных и сложных делах, да, — Фёдор Фёдорович вновь провёл рукой по усам, словно хотел удостовериться, не исчезли ли они с лица, — понимаю, что отделение мало, но в губернии не так часто, слава Богу, происходят преступления, к расследованию которых можно привлечь агентов отделения. Вы уже читали циркуляр господина Тимашева по этому поводу?

— Да, Ваше Превосходительство, в отделении не хватает людей...

— Знаю, знаю, — махнул рукой Трепов, — но пока нет возможности увеличить ваш штат.

– Я...

– Иван Дмитриевич, это просьба Государя и Его Императорское Величество рассматривает проект об учреждении таких же отделений прежде всего в Москве, Киеве, Варшаве и других крупных городах.

– Это...

– Не смею больше вас задерживать, – столь стремительная аудиенция подошла к концу.

Путилин поднялся, кивнул головой и пошёл к выходу. Он был зол в первую очередь на себя – людей и так не хватает, а губернские власти только того и ждут, чтобы ответственность за неумелые действия в расследовании нёс кто—то другой. Типично российская черта, как за почестями, так всех локотками расталкивать, а как делом заняться, ан, смотришь, рядом уже никого нет, разбежались, как мыши по норам. Мог бы, либо депешей, либо циркуляром известить, чертыхался Иван Дмитриевич, только время потеряно, да Бог с ним. Остановился на улице, до двери в отделение десятка два шагов, но шёл медленно, гадая, когда же первая ласточка прилетит из губернии. Дел и так хватало, город растёт, как на дрожжах, а сыскная полиция, как была в составе двадцати четырёх душ, так и осталась. Приходится порой поступать, как приставы, отправлять обратно дела, иначе можно было утонуть в бумагах.

Иван Дмитриевич стоял на улице, потом направился к зданию Адмиралтейской части, где располагалось сыскное отделение. Перешёл через Гороховую, по которой катили экипажи, кареты, спешили люди, кто следовал к Исаакиевской Площади, кто к Красному мосту. Кипела жизнь, шум ни на миг не затихал.

Путилин поднялся в кабинет, расположенный на втором этаже, взглянул на часы, купеческий подарок, немой укором стоявшие в углу. Третий час по полудни, начальник сыскного отделения только сейчас вспомнил, что после визита к градоначальнику хотел зайти в ресторацию господина Дюссо, но возвращаться не хотелось, аппетит был испорчен просьбою Государя, не знаешь, как в столице со всеми преступлениями справляться, а здесь добавлена целая губерния, хотя в ней и не так много совершается злоумышлений, но неприятное чувство подкатило, словно ком в желудке, когда съешь кусок жирного мяса. Иван Дмитриевич поморщился и погладил под рёбрами правую сторону живота, иной раз невозможно было терпеть. Постоял у окна, боль вроде бы отпустила.

Когда голова занята мыслями и текущими делами, так некогда обращать на себя внимания, кажется, все потом, вот завершится вот это расследование, можно и собой заняться. Но нет, появляется новое дело и опять некогда уделить время собственной персоне, так и бегут дни за днями, а за ними года.

Вот и сейчас в очередной раз пришла мысль о покое, в наступившем году исполнится двадцать пять лет, как на службе, смешно сказать, но радовался месту писаря, как манне небесной, ведь никакого образования не было, хорошо, что брат поспособствовал, иначе неизвестно в какую сторону увела бы судьба. Снова поморщился, боль хоть и отпустила, но все—таки, подлая, нет – нет, а кольнёт так, что дух захватывает. Год – большой срок, вытерпеть бы и куда—нибудь в Баден съездить, там говорят и климат подходящий. и воды для желудка полезны. хотя бы полгода подлечиться, а там... Далее загадывать не хотелось.

Не пробило шестого часа утра, как дежурному чиновнику сыскного отделения полиции была принесена телеграмма со станции Стрельна, после прочтения которой, согласно инструкции, на квартиру Ивана Дмитриевича Путилина отправлен посыльный. Почтовый документ, подписанный уездным исправником коллежским ассессором Колмаковым, гласил:

«12 апреля в 2 часа 15 минут служащим в двухстах саженях от станции Стрельна обнаружено тело с отрезанной головой, что свидетельствует о насильственной смерти. Согласно

циркуляра Министра Внутренних Дел от 10 апреля сего года за №2 537 прошу помочь в розыске убийцы и выяснении личности неизвестного».

Путилин половину ночи проворочался с боку на бок, сон не шёл, и бок ныл, только к утру, слава Богу, успокоился и Иван Дмитриевич провалился в дрему, но куда там. Звонок он не слышал, а вот стук в дверь служанки Глаши громом застучал в висках.

– Что там? – Спросонья пробурчал Путилин, уж если так Глаша тарабанит, то наверняка, зла и недовольна ранним визитом.

– Посыльный, – голос служанки, в самом деле, звучал глухо, переливаясь нотками ворчания.

– Проводи в кабинет, – Иван Дмитриевич присел на кровати, нащупывая ногами домашние туфли, чиркнул спичкой и поднёс трещавший мотылёк огонька к фитилю свечи. Потом накинул на плечи стёганный поношенный халат, вышел в коридор.

Посыльный, паренёк лет шестнадцати с веснушчатым лицом, у которого в колеблющемся пламени свечи испуганно блестели глаза, всегда робел перед начальником сыскальной полиции, даже голову втягивал в плечи, боясь, что Путилин будет ругать.

Иван Дмитриевич в одной руке держал подсвечник, хотя света было достаточно. Солнце не поднялось, но уже показалось за горизонтом.

– Ну что там? – начальник сыскальной полиции прикрыл свободной рукой рот, прикрывая ею зевоту.

– Телеграмма, – сказал тихо посыльный.

– Давай.

Паренёк вскинул глаза, явно не понимая Путилина.

– Телеграмму давай.

Посыльный покраснел, в свете свечи казалось, что на щеках проступили черные тени, протянул лист бумаги.

– Так, – Иван Дмитриевич развернул и прочитал несколько строк, потом повертел бумажку, рассматривая, нет ли чего на обратной стороне.

– Более ничего?

– Господин Иванов, – Путилин понял, что посыльный говорит о дежурном чиновнике, – ждут дальнейших указаний.

– Значит, ждут, – пробормотал начальник сыскальной полиции, – теперь и ты жди, – сам повернулся и взял со стола «Ежегодник железных дорог», открыл нужную страницу, – так, молодец, беги к господам Орлову, Соловьёву и Жукову, передай, чтобы были на Балтийском вокзале к, – посмотрел на хронометр, – к восьми часам, паровоз отправляется в Стрельну, в этот час. Успеешь?

– Так точно, – позволил себе улыбнуться посыльный, – не в первой.

– Глаша. – крикнул Иван Дмитриевич, когда та остановилась у дверей кабинета, сказал, – проводи молодца и приготовь сюртук и чай.

– Опять покоя нет. – Путилин строго взглянул на Глашу, но та и глазом не повела, только добавила ещё более раздражённым голосом, – все режут люди друг друга, угомониться не могут.

Иван Дмитриевич прохаживался вдоль вагонов, помахивая тростью, до отправления оставалось четверть часа, отъезжающих было немного, поэтому Путилин видел всех сажающих в вагоны. Сыскальные агенты запаздывали, то ли посыльный не успел оповестить, то ли уже отправились в сыскальное. Страшного ничего не было, приедут одиннадцатичасовым, хотя хотелось бы осмотреть место происшествия, глаз у штабс-капитана намётанный и в правду заметит среди густой травы иголку, вот Миша Жуков, младший помощник, так тот, хотя и с головой, но порою больно горяч на выводы, не вникнув в суть вопроса. Ничего, молод,

но точно заметит, не его, Ивана Дмитриевича, а следующего начальника сыскной полиции и, даст Бог, не двадцать четыре человека будут следить за преступниками в столице, а поболее, тогда и каждый из злоумышленников будет на виду.

– Господа, – раздался голос кондуктора, – прошу занимать места в вагонах, через три минуты отправление.

Путилин взялся рукой за поручень и хотел поставить ногу на ступеньку, но в последний раз оглянулся. По дебаркадеру быстро семенил Жуков, за ним большими шагами надворный советник Соловьёв и последним со спокойным, не выражающим ничего, лицом неспешно, как на параде шёл штабс—капитан Орлов.

Машинист паровоза дал длинный гудок, струя пара устремилась вверх.

– Здравия желаю, Иван Дмитрич! – первым поздоровался штабс—капитан.

– Что за дело в Стрельне? – скороговоркой протараторил Миша.

– В вагоне обсудим, – после приветствия произнёс Путилин и ступил первым в вагон.

Пассажиров в самом деле было немного, но все—таки не хотелось разговаривать при посторонних, поэтому заняли места в дальнем углу.

– Иван Дмитрич. – не выдержал Миша, видно, любопытство ещё начало терзать дома, – что за спешка такая? Опять часы у Его Высочества увели? – Жуков напомнил недавнее дело, когда дочь действительного статского советника Иваницкого, выйдя из пансиона, начала вести не подобающую для дворянки жизнь. Наталья, как её звали, стала мошенницей, но что самое удивительное, посещала дома богатых людей и воровала маленькие драгоценные вещицы – кулоны, перстни, ожерелья с драгоценными камнями. Один раз, пользуясь именем отца, проникла без особого труда во дворец Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича и из кабинета похитила пять карманных часов и кольцо, заметил пропажу один из камер—лакеев. Во дворец был командирован Иван Дмитриевич с лучшими агентами, преступление расценивалось, как дерзкое покушение. По сопоставлению времени, когда Великий Князь мог видеть одни из часов, со временем кражи, что такая могла быть совершена между тремя и четырьмя часами по полудни, когда Константин Николаевич изволили почивать. Приступив к дознанию, Иван Дмитриевич встретил полное отсутствие данных, могших навести на след виновного. Не подлежало сомнению, что необходимо было обратить внимание на лиц, имевших свободный доступ в кабинет Великого Князя, искать виновного следовало среди прислуги, однако изыскания не привели ни к каким результатам. Путилин начал основываться на мнении, что если часы столь редки, то могли обратить внимание в минуту продажи, поэтому оповещены в краткие сроки были все торговцы золотыми изделиями, так и известные скупщики краденного. Оказалось, что похищенное заложено часовых дел мастерам, все часы были разысканы, кроме одних. Оставалось обнаружить преступника, Сделалось известным, что все вещи сбывались молодой женщиной, по описанию то рыжей, то светловолосой, то брюнеткой, но всегда лицо скрывалось под вуалью, поэтому вновь обратились к дворцовой прислуге, но опять же без особого успеха. Между тем, такие дерзкие кражи совершались неоднократно, вот поэтому и решено предъявить фотографические карточки, имеющиеся в распоряжении сыскной полиции, женщина была признана за личность, сбывавшую похищенные часы. Она оказалась дочерью недавно умершего действительно статского советника Иваницкого, проникла во дворец под видом отыскания одного из сослуживцев отца, в кабинет Великого Князя попала случайно, как с такой же случайностью из квартиры военного министра похитила цепь к ордену Андрея Первозванного, поэтому Жуков и позволил себе неудачную шутку, но увидев строгое лицо Путилина, умолк.

Путилин достал из кармана телеграмму, протянул первому штабс—капитану. Орлов прочитал её и пожал плечами:

– Губерния тоже стала нашей заботой?

– Что за циркуляр за номером две тысячи тридцать семь? – заглянул в лист светло—синего цвета надворный советник.

– Циркуляр Министра гласит, – Иван Дмитриевич смотрел в окно на проносящиеся деревья с едва пробивающейся зеленью из почек, – что в случае насильственной смерти в нашу обязанность входит оказание помощи губернскому управлению.

– Понятно, – сжал губы Соловьёв.

– Более ничего не известно? – Последним читал телеграмму Жуков.

– Мне известно только это, – и добавил, – я надеюсь, господин Колмаков до нашего приезда оградит место преступления от любопытствующих и оставит в том состоянии, в котором найдено тело.

Глава вторая. Находка на станции Стрельна

Пришёл кондуктор, спрашивая билеты до Стрельны, оставалось несколько минут пути. Путилин протянул свой, надворный советник за остальных, под пронзительный скрип тормозов вышли в тамбур.

На платформе Иван Дмитриевич взглянул на недавно построенное здание вокзала, возвышавшееся двумя этажами из красного кирпича с покатою крышей, крытой железными листами.

Путилин приехал сюда впервые, осмотрелся и отметил, что прибыли минута в минуту, станционные часы показывали «8.49».

У входа в вокзал стоял низенький мужчина в форменном полицейском кителе, осматривался по сторонам, явно кого—то поджидая.

— Апполон Павлович? — подойдя ближе, спросил начальник сыскной полиции.

— Так точно, коллежский асессор Свињин, помощник уездного исправника, — отрекомендовался полицейский чин, — а вы, стало быть, господин Путилин?

— Да, это я.

Свињин решил, что на этом формальности знакомства исчерпаны, указал рукой в сторону и произнёс:

— Прошу следовать за мною, — и не взглянул на спутников Путилина.

Соловьёв и Орлов переглянулись, во взгляде читалось «хорош приём, ничего не скажешь! Вот и помогай после такого обхождения губернским властям».

Пришлось обойти здание вокзала, прежде чем вошли в комнату, которая оказалось служебным помещением, где располагались начальник станции и диспетчер. Здесь же на стуле сидел и уездный исправник господин Колмаков, поднёсший ко рту стакан. Константин Николаевич, мужчина лет шестидесяти, маленького роста с брюшком и абсолютно лысой головой, вскочил, едва не пролив на себя чай, виновато улыбнулся, словно сотворил что—то неподобающее по должности, торопливо поставил стакан на стол и представился:

— Коллежский асессор Колмаков, местный исправник, — голос звучал глухо и казался простуженным.

— Путилин, — представился начальник сыскной полиции и добавил. — Иван Дмитриевич, это чиновники по поручениям, — указал рукою на сопровождавших его лиц, — надворный советник Соловьёв, — Иван Иванович кивнул головой, — штабс—капитан Орлов, — тот, как в прежние армейские времена щёлкнул каблуками, — и мой помощник губернский секретарь Жуков.

— Очень приятно, господа, — улыбался исправник, — по чести не ожидал вас так рано.

Ивану Дмитриевичу нравились такие бесхитростные люди, которым он с первых минут знакомства начал считать Константина Николаевича. Он и в самом деле, был таковым, иногда удивляясь себе, как соизволил дослужиться до такой должности, ведь столько было рядом локотков, которые норовили отодвинуть в сторону, чтобы самим занять не столь уж хлопотливый пост первого уездного полицейского начальника.

— Может быть, чаю с дороги? — Исправник указал на исходявший из трубы самовара едва заметный дымок.

— Благодарю, Константин Николаевич, — имя и отчество посмотрел еще в столице, никогда не мешает это знать, — хотелось бы сразу приступить к делу, время ли знаете дорого.

— Понимаю, — Колмаков водрузил на голову форменную фуражку, — тогда прошу следовать за мной. Здесь не далеко.

Поднялись на платформу, прошли вдоль вокзала, на котором начали собираться пассажиры в ожидании поезда, спустились по трём ступенькам на дорожку, ведущую в начале

вдоль железнодорожной колеи и через десяток саженей сворачивающую в заросший невысоким кустарником лесок. Хотя солнце давно дарило земле тёплые деньки, но почерневший снег лежал отдельными островками, прячась от лучей в редкой тени от только зазеленевших веток. Прошли вперёд, там стоял полицейский. Видимо, охранение места преступления, мелькнуло у Ивана Дмитриевича.

– Я поставил полицейских, чтобы никто не затоптал место преступления, – словно прочитав мысли Путилина, повернул лицо исправник.

Начальник сыскной полиции ничего не ответил, а только кивнул головой.

– Вот здесь и нашёл Степанов, это служащий станции, тело. Живёт недалеко, вот и ходит этой дорогой иногда, – начал рассказывать Константин Николаевич.

– А могу я со... Степановым? – уточнил Путилин, – поговорить и услышать рассказ из первых уст?

– Непременно.

Тело лежало в нескольких саженях от тропинки, под кустом с набухшими на ветвях почками. Новая жизнь скоро должна расцвести яркими красками, а под ним обезглавленный труп. Доктор давно закончил осмотр и теперь ходил, нервно поднося ко рту папиросу. При приближении урядника и столичных агентов сам двинулся к ним на встречу, поздоровался.

– Впервые сталкиваюсь с такой жестокостью, – доктор вытер со лба пот, – убитому не более семнадцати лет, убит явно не здесь, а принесён сюда, потом раздет, – он указал рукою на голое тело, – и отрезана голова.

– По каким приметам вы заключили? – Жуков полез с вопросами вперёд начальника, за что получил вполне красноречивый взгляд.

– По тому, молодой человек, – доктор отбросил в сторону папиросу, потом снял очки и начал их протирать, – крови вытекло мало, отсюда делаю вывод, что убит этот мальчик явно в другом месте.

– Убил, а потом отрезал, – Миша явно нарывался на выговор от Путилина.

– Я не думаю, – в том же спокойном тоне продолжил доктор, – убийца бы не стал ждать несколько часов у тела, пока кровь не стала свёртываться, вот поэтому и делаю такое заключение.

– Извините, – обратился Иван Дмитриевич к доктору, – не знаю вашего имени—отчества.

– Простите ради Бога, – урядник приложил руку к груди, – виноват, что не представил, Николай Петрович Воскресенский.

– Путилин, Иван Дмитриевич, – произнёс начальник сыскной полиции, – вы уж простите моего помощника за вопросы, но хотелось бы больше узнать.

– Хорошо, – Воскресенский надел очки, – убитому около семнадцати лет, сперва был задушен, об этом свидетельствует след от верёвки или чего—то подобного на шее, спустя какое—то время перенесён сюда, – доктор начал перечислять, словно дело шло не об лишённом жизни молодом человеке, а о делах обыденных, повседневных, – здесь же отрезана голова, довольно тупым ножом, об этом можно судить по тому, что убийца делал все в спешке, но тупое лезвие его сдерживало, в некоторых местах рваные и множественные порезы. Снял одежду, но, скорее всего, разрезал. Более подробностей об убитом я сообщить не смогу, конечно, может ещё что выясниться, но только после вскрытия.

– Благодарю, Николай Петрович.

– Но я не понимаю, – теперь настала очередь задавать вопросы исправника, – зачем убийца унёс голову?

– Объясняется просто, – Иван Дмитриевич оперся о трость, – наш кровожадный злодей не хотел, чтобы при обнаружении тела, могли опознать убитого, но не думаю, чтобы он унёс голову далеко, – Путилин красноречиво взглянул на сыскных агентов, – посмотрите, непре-

менно, должна быть, и при том недалеко, если нам повезёт, найдём, где—нибудь недалеко и платье несчастного мальчика.

Путилин подошёл ближе к труп и присел на корточки.

Тщедушное тело белым пятном выделялось на позеленевшей траве, грудь обтянута кожей, сквозь которую чуть её не прорывая виднелись ребра, впалый живот ещё не вошедшего в пору взросления, а так и остался навечно в юношестве, руки вытянуты вдоль тела. Одну приподнял Иван Дмитриевич, ноготь указательного пальца сорван, складывалось впечатление, что юноша боролся за жизнь, когда что—то тонкое захлестнуло шею. Не ожидал возможно такого поступка от человека, с которым он приехал сюда. Небольшие ступни завершали картину трагедии, они были белыми, безжизненными, словно выточенными из мрамора с прожилками едва заметных вен.

— Я посмотрел. — произнёс после некоторой задумчивости Воскресенский, видно эта мысль не давала ему покоя, — у мальчика нет особых примет, даже не могу представить, как вы сможете узнать имя несчастного, не то, что его убийц.

— Служба такая, — сквозь нахмуренные лицо проступила улыбка и та затронула только уголки губ, — если при первом осмотре ничего найдено не будет, — Путилин смотрел на исправника, — то придётся нам с вами обыскать этот лесок.

— Что будем искать? — С готовностью откликнулся Николай Петрович.

— Не знаю, — пожал плечами начальник сыскной полиции, — все, что будет вызывать подозрение, а вернее всего. все, что будет найдено, а там уж будем разбираться — пригодится нам в следствии или нет.

— Так—с, — исправник снял фуражку и провёл рукой по затылку, — значит, не знаю что, не знаю где, — но слова, как ни странно, прозвучали безо всякой иронии, а с такой серьёзностью, что улыбка на лице Путилина стала шире.

— Именно так, — сказал Иван Дмитриевич, потом обратился к доктору, — сколько дней тому совершено преступление?

— Трудно сказать, — Воскресенский скрестил руки на груди, от чего стал больше походить на статую римского сенатора, облачённого в сюртук, только вот не хватало тоги и свитка в руке, — но исходя из погоды последних дней и состояния тела, я бы сказал, что не более четырёх дней.

— Значит, восьмого.

— Что? — Переспросил занятый мыслями доктор.

— Я говорю, — начал Путилин, тут же остановился и потом продолжил, — убит восьмого числа сего апреля, в понедельник.

— Вполне возможно.

— Иван Дмитрич, — раздался взволнованный голос Жукова и появился Миша, — там... там, — лицо было бледным и безжизненным, только блестели глаза и сошедшие на переносице брови выдавали волнение, — там...

— Нашёл голову? — Подсказал Путилин, — вот и хорошо.

— Но там... — и дальше Жуков выговорить не мог.

— Веди, — распорядился Иван Дмитриевич и пошёл за помощником.

В саженях десяти — пятнадцати под кустом в подтаявшем снегу выглядывал чужеродным предметом застывший глаз, вокруг него раны с заметными следами заскорузлой крови, словно убийца хотел и лицо уничтожить, чтобы наверняка никто не мог признать убитого.

Путилин отложил в сторону трость, перчатки и аккуратными движениями начал откапывать найденную Мишей голову. Лицо молодого человека было исполосовано, где рваными ранами, где порезами с ровными краями.

— Господин Воскресенский, что вы скажете об этом?

Доктор подошёл ближе и, как и Иван Дмитриевич, опустил на корточки.

- Убийца спешил.
 - Отчего вы так решили?
 - Видите ли, как ни прискорбно говорить, но злоумышленник мог бы срезать с лица кожу, а здесь он не резал, а размахивал ножом.
 - Вы правы.
 - Миша, – Путилин поднялся на ноги, – откапывай и неси к телу.
- Через некоторое время Жуков опять подал голос:
- Иван Дмитриевич, здесь и одежда зарыта.
 - Это хорошо.
- Из—под снега Миша извлёк форму ученика гимназии.
- Значит, убитый гимназист, – подал голос исправник, – это поможет в нахождении личности несчастного?
- Да, – махнул головой Иван Дмитриевич, – в первую очередь проверим гимназии. Посмотри, Миша, убийца ничего не забыл в карманах?
- Исправник с интересом смотрел на действия сыскного агента, он в первый раз не занимался сам, а наблюдал за столичными гостями, о которых чуть ли не сказки рассказывали, что все преступники империи у них переписаны, что скоро всех изведут, а в последнее время и фотографическими карточками пополняется архив, что ни один не уйдёт от наказания. Николай Павлович был слегка разочарован, ему представлялась работа сыскного отделения не так, а они ползают по кустам, копаются в одежде. Так и приданные в его распоряжение полицейские могут, а проверить гимназии пару пустяков, несколько часов и все. У них в округе... Потом спохватился, а если из столицы убитый, тогда, Николай Павлович почесал затылок, нет, пусть лучше сыскные агенты господина Путилина занимается сией нежданно свалившейся проблемой.
- Ну что? – торопил Жукова Иван Дмитриевич, лицо выражало нетерпение.
 - Есть, – обрадовано произнёс Миша и протянул свёрнутую в несколько раз бумагу, – видимо убийца во всех карманах пошарил, а в брюках не стал или забыл.
- Путилин развернул поданную бумагу:
- Итак, что мы имеем, – он внимательно прочитал, – а имеем мы квитанцию на посланную четвёртого числа сего месяца телеграмму из Петербурга в Кронштадт.

Глава третья. Снова расспросы

– Замечательно, – сказал Иван Дмитриевич, поднял взгляд, прищулив глаза, казалось, витал где—то далеко. но не здесь, в лесочке близь станции Стрельна, возле тела незнакомого молодого человека, – да, – Путилин, словно очнулся от задумчивости. – продолжай, Миша, поиски, может, ещё что будет найдено.

– Иван Дмитрич. – к начальнику сыскной полиции подошёл исправник и заглянул в квитанцию, – но здесь только фамилия значится, – прочитал по слогам неразборчивый почерк, – Мико или мика, видимо Микотин или Микатин и ничего более?

– Нет, дорогой Константин Николаевич, – Путилин помахал бумажкой в воздухе, – это уже след и от него мы будем тянуть ниточку, не могу знать, куда она приведёт, но, однако же, смею думать, что в нужном направлении, – потом закусил нижнюю губу и добавил, – хотя всякие чудеса бывают в нашей службе.

Поиски в лесочке длились не более получаса, заглядывали под каждый куст, тревожили снежные кучи, но все без толку, ничего найдено не было, кроме прошлогодней листвы да упавших с деревьев сухих сучьев.

– Что ж, любезный господин Колмаков, – Путилин улыбнулся, – теперь к вашему счастью.

– Какому? – Изумился исправник.

– Как же? К тому, которому посчастливилось наткнуться на столь неприятную находку.

– Вы про Степанова?

– Именно про него.

Возвращались той же дорогой, вдоль железнодорожных путей и, как понял Иван Дмитриевич, в то же служебное помещение, которое облюбовал исправник или там часто оставался, будучи на станции. Настроение, не смотря на смерть молодого человека, в столь ранние годы лишённого самого дорогого – жизни, улучшилось. Найденная квитанция вселяла маленькую надежду, что опознание убитого дело недалёкого будущего, а там... Вот «там» загадывать не хотелось, уж очень в иной раз становилось «там» непредсказуемым.

Степанов, оказавшийся станционным служителем, был небольшого роста, с чёрной щетиной на лице и маленькими бегающими глазками, словно нашкодил, и теперь не знает, куда спрятать взгляд. И лицо, немного одутловатое, и трясущиеся руки, как отметил Путилин, говорили о бессонной ночи, в течение которой выпито служителем было немало. Степанов вскочил со стула, когда исправник и начальник сыскной полиции вошли в служебное помещение.

Иван Дмитриевич внимательно осмотрел служителя с головы до ног, отметив, что не взирая на нездоровый вид, форменная одежда выглажена, без единого пятнышка, выглядывал накрахмаленный воротничок белоснежной рубашки. Только вот брюки снизу запачканы пятнами свежей грязи и довольно большое на правом колене, видимо, как наткнулся на обезглавленный труп, так бросился стремглав бежать, не разбирая дороги, то ли испугался, то ли по иной причине.

Степанов от пристального взгляда незнакомого господина, в котором он признал большого начальника, сконфузился и как—то даже в росте стал меньше, чувствуя себя виноватым, не понятно за что и украдкой бросал взгляды на мужчину в летах, облаченном в статский костюм, Путилин понял, что это начальник станции и в его присутствии Степанов правды не скажет.

– Константин Николаевич, – Путилин повернул голову к исправнику, – для пользы дела мне хотелось бы поговорить с господином Степановым, тет—о—тет, в приватной, так сказать, обстановке, – и глазами указал на начальника станции.

Константин Николаевич понятиливо улыбнулся.

– Не вижу препятствий, Селиван, – крикнул Колмаков. – проводи господина Путилина в залу для гостей.

– Следуйте за мной, – перед Путилиным, словно из воздуха, появился полицейский, держа руку на эфесе сабли.

Исправник подтолкнул Степанова, мол, иди за петербургским гостем.

Зала для ожидающих поезда гостей оказалось небольшой, но светлой, с большими до пола окнами и удобной изящной мебелью. В этот час была пуста. Кресла и диваны с хрупкими на вид ножками не внушали доверия.

– Разрешите идти? – Полицейский приложил руку к головному убору.

– Да, ступай. голубчик, – вроде бы рассеяно произнёс Путилин, но взгляд цепко наблюдал за служащим станции.

Иван Дмитриевич прошёлся по зале, подошёл к окну, отодвинув в сторону белую невесомую гардину, выглянул на улицу, потом резко обернулся и долгим взором посмотрел на Степанова, который и так чувствовал себя неуютно, а здесь вообще оробел.

– Прошу, – наконец произнёс начальник сыскной полиции и указал рукой на одно из кресел.

– Я постою, – Степанов вцепился в фуражку, как утопающий за подвернувшуюся под руку доску.

– Присаживайся, – и Путилин опустился на диван, закинул ногу на ногу и положил руку на спинку, – в ногах правды нет.

– Я...

– Садись. – повысил голос Иван Дмитриевич и служащий станции не стал противиться, присел так, чтобы в любую секунду готовым вскочить, – итак, любезный, как твоё имя—отчество?

– Иван Иванович, – совсем тихо пробормотал Степанов.

– Иван Иванович, значит, – Путилин знал, как разговаривать с такими людьми, занимающими должность без чина, поначалу немного строго, чтобы тот почувствовал неудобство, а уж потом можно вытаскивать маленького человека из раковины, в которой тот прячется, – меня можешь звать Иваном Дмитриевичем.

– Да как я смею, – и впервые, как вошли в залу, поднял взгляд на Путилина.

– Давно служишь на станции?

– На этой с первого дня.

– А до этого?

– В Петербурге при Варшавском вокзале.

– Отчего сюда переехал?

– У меня семейство, а здесь жалование почти на треть выше.

– Понятно. Значит, в этих краях всех знаешь?

– Не то, чтобы всех, но знаю, вот Его Высочеств...

– Об Их Высочествах поговорим позднее. А теперь меня больше интересует, не встречал ли убитого ранее? – Вопрос был задан с умыслом, Путилин и так знал, что Иван Иванович не мог разглядеть убитого, тем более голова с порезанным лицом найдена в другом месте.

– Я, как споткнулся об...

– Тело, – подсказал Иван Дмитриевич.

– Так точно, – торопливо произнёс Степанов, – тело. Сперва не понял, что это, а как склонился над ним, так сердце едва из груди не выскочило, пока бежал.

– Скажи, а часто ты той дорогой ходишь?

– Нет, – и прикусил губу.

– Говори, братец, – в голосе Путилина звучали участливые нотки, которые переросли в настойчивые, – все одно разужнаю, уж лучше от тебя.

– Я там хожу, когда меня в гости иной раз заносит.

– Вчера вечером и был такой день.

– Совершенно верно.

– Выкладывай на чистоту, что это я должен из тебя всякое слово тянуть клещами.

– Здесь неподалёку вдова живёт, вот я грешен, к ней и похаживаю.

– В прошлый раз, когда был?

– С неделю будет.

– Почему так рано на службу шёл?

Степанов покраснел и снова упёрся взглядом в пол.

– Ну?

– Полаялись мы, – выдавил из себя Иван Иванович, – слово за слово, вот я и хлопнул дверью.

– Верхнее платье она привела в порядок?

– Она, – Степанов погладил рукой по колену, – хозяйственная она.

– А что семья? – Иван Иванович обиженно засопел. – Да, не моё это дело в семейных делах разбираться, – успокоил его Путилин, – мои мысли более занимает убиенный. Значит, ничего добавить к делу не можешь?

Степанов неопределённо пожал плечами.

– Так—так, а кто этой дорогою ещё ходит?

– Не знаю, – задумался служащий, – там сколько живу, никого не встречал.

– Понятно, а как тело обнаружил?

– Да как, – удивился вопросу Иван Иванович, вроде бы уже сказал, – полаялись, я оделся, домой идти поздно, так я сразу на станцию, ведь все одно утром на службу.

– Много выпил?

– Достаточно, – и Степанов спохватился, что себя выдал.

– Давай далее, как я сказал, меня больше занимает другое.

– Иду я, ругаюсь в пол голоса, не обращаю ни на что внимания, будто с Клавкой говорю, – бросил быстрый взгляд на Путилина, имя вылетело вдовы, – споткнулся и упал, вот и брючину вымазал, – он показал рукой на пятно на колене, – когда поднялся, зажег спичку. Белое тело и без головы, меня такой испуг охватил, в миг вся хмель из головы вылетела, что я не разбирая дороги и не беспокоясь, что могу упасть, побежал на станцию, предупредить о теле. Вот и все.

– Хорошо, – изрёк Путилин, – хотя хорошего здесь мало. Скажи—ка, братец, ты ведь на службе каждый день?

– Не совсем так, воскресенье – мой неприсутственный день.

– Пусть так, – Иван Дмитриевич поднялся с дивана и, заложив руки за спину, начал прохаживаться по зале. Вслед за ним пружиной вскочил Степанов. – Ничего в последние дни необычного не было?

– Не знаю, – пожал плечами Иван Иванович, – все, как и каждый божий день, приезжают господа и дамы, отъезжают.

– Понятно, а вот чтобы внимание привлёк, ну, там скандал какой или кто буяннить начал.

– Не припомню, да и полицейский при станции приставлен, так тот не допустит ничего, слишком Селиван строг.

– Это тот, что нас провожал сюда?

– Так точно, он самый.

– Тогда более не держу, ты, братец, кликни Селивана.

Иван Дмитриевич видел, как на улице появился Степанов, плечи расправлены. словно подвиг какой совершил или от начальства поощрение получил. Подошёл к Селивану, стоящему на платформе и что—то сказал. Полицейский поправил ремень, не стал ничего спрашивать у Ивана Иваыча, а сразу направился к петербургскому гостю.

Раздался громкий требовательный стук, дверь отворилась и на пороге появилась высокая ладная фигура полицейского. По лицу невозможно было понять ни единого чувства, словно вошла статуя с каменной физиономией.

— Ваше Высокородие... — начал он, но Путилин поморщился и махнул рукой.

— Проходи.

Но Селиван так и остался стоять у двери.

— Скажи—ка мне, Селиван, — и посмотрел на стоящего у двери полицейского, но тот только недоуменно моргал и ничего не произносил.

— Как тебя по батюшке?

— Степаном отца звали.

— Вот что, Селиван Степаныч. в последнее время на станции никаких происшествий не было?

— Никак нет, — гаркнул Селиван.

Путилин вновь поморщился.

— Потише, чай не на платформе паровоз перекрикиваешь.

— Извиняюсь, Ваше Высокородие!

— Так было что—то или нет? Мне интерес представляет все, что было.

— Да ничего такого и не было, у нас же публика вся, почитай, из благородных, а они поведения богоугодного.

— И офицеры ведут себя пристойно, и, скажем, молодые люди.

— Вы про это, — Селиван выдал на одном дыхании, — офицеры те иной раз, когда выпимши лишнего, что—нибудь учудят, но меж собой, а чтобы к статским ни—ни.

— А молодёжь?

— Они тоже, конечно, ведут не подобающе, вот намердны трое совсем молоденькие, а вина видимо, попробовали, хотя и вели себя тихо, но какие—то настороженные были.

— Если запомнил, чем привлекли взгляд?

— Больно уж тихо себя вели.

— Запомнил их?

— Увидел бы, узнал.

— В чем они одеты были.

— В гимназической форме.

— Не вспомнишь, какой гимназии?

— Никак нет.

— Убиенного видел?

— Так точно.

— Не он ли среди тех гимназистов был?

— Не могу знать, этот без головы и голый, в таком виде не признать.

— Хорошо, тогда опиши тех гимназистов.

Селиван так толково их описал, что Путилин достал книжку и занес слово в слово сказанное полицейским. Иван Дмитриевич привык запоминать или записывать все, чтобы потом отсечь лишнее, словно скульптор от куска мрамора.

— Ступай, братец, — начальник сыскного отделения смотрел в окно.

Глава четвертая. Все начинается в столице

Ближе к трём часам пополудни исправник любезно предложил отобедать у него дома. Марфа Васильевна, говорил он, предупреждена, что пожалуют столичные гости так, что расстарается. Кухарку не держит, добавил Константин Николаевич, а делает все сама, Господь не дал детей, вот она и норовит угодить мужу, и спрятал под рукой улыбку.

Иван Дмитриевич не стал отказываться от столь заманчивого предложения и любезно согласился, напомнив, что он не один. На что исправник заметил, что гостям всегда рад и всегда найдётся и тарелка супа, и кусок мяса, ну и кое—покрепче, чтобы обед пресным не казался.

Хозяйка оказалось особой средних лет, но довольно привлекательной, в особенности добродушной улыбкой и русыми волосами, непослушно выбивающимися из—под чепца. Марфа Васильевна сама вызвалась быть сегодня в роли прислуги и попросила не смущаться. После великолепных щей со свежим, тёплым хлебом, казалось только вынутым из печи, на столе, словно из воздуха появился, и печённый гусь, и баранья нога под причудливым соусом.

— Все—таки не пойму, — наконец произнёс исправник, видимо давно хотел спросить, но не решался, — чем же квитанция поможет в деле?

Иван Дмитриевич на мгновение замер, положив ладони на белоснежную накрахмаленную скатерть, сглотнул слюну и после тяжёлого вздоха, что, мол, он не хотел вести такие разговоры за столом, но после красноречивого взгляда на хозяйку, словно бы извинившись, произнёс:

— В квитанции указана фамилия отправителя...

— Но ведь Микатиных— Микотиных по столице не одна тысяча будет? — нетерпеливо перебил исправник.

— В этом вы правы, но нам известен получатель, он—то, наверняка, знает отправителя и мы по надписи на квитанции видим, откуда и когда была отправлена телеграмма. Вот по этим сведениям мы и найдём человека, если это не наш убиенный, — Путилин посмотрел вновь извиняющимся взглядом на хозяйку, что, мол, он не хотел о таких страстях упоминать за обедом, — то найденный может опознать или рассказать, как его квитанция от отравленной телеграммы оказалась в кармане у убитого.

— И всего—то? — Удивлённо произнёс Константин Николаевич. — А я уж думал...

— Все обыденно и не интересно, — Иван Дмитриевич катал между пальцами шарик из мякиша, — наша служба сродни поиску драгоценного камня, прежде чем его найти, приходится десятки пудов горной породы просеять. Вот начнём после выяснения фамилии гимназиями заниматься...

— Иван Дмитрич. — робко вставил Миша Жуков.

— Да, — Путилин не посмотрел на помощника, явно занятый своими мыслями, — впрочем... — поднял взгляд на хозяина, — с гимназией проще, на околыше над козырьком серебряный знак, на котором я заметил буквы «КрГ», что как вы знаете, означает кронштадтская гимназия.

— А я и не обратил внимания, — исправник изумлённо смотрел на начальника сысского отделения, словно тот, как фокусник достал из шляпы живого кролика, — форменный полукафтан, так такие все гимназисты носят, а вот о фуражке позабыл, да честно говоря, как увидел обезглавленное тело, так и мысли—то прочь.

— Константин Николаевич, нам невнимательными быть нельзя, от этого зависит ход расследования.

После сытного обеда исправник пригласил гостей в кабинет, чтобы там обсудить, в каком направлении двигаться дальше. Сам хозяин принёс самовар, Марфа Васильевна на подносе чашки.

Выходя, она прикрыла за собою дверь, чтобы не мешать серьёзному разговору.

Хозяин разлил чай.

– Иван Дмитрич, что же дальше? – Не выдержал томимый любопытством исправник, отделивший себя от ведения следствия.

Путилин поднялся с кресла, держа в правой руке чашку, в левой – блюдец, и по давней привычке, словно был в своём кабинете на Большой Морской, подошёл к окну.

– Искать убийцу, после выяснения личности убитого. Сегодня же посетим деревеньку, где провёл ночь нашедший убиенного господин Степанов, выясним, не видел ли кто что—то привлёкшее внимание, потом надо поговорить со служащими станции и не ждал ли кто гостей— гимназистов.

– Вы думаете, – вскинул брови Колмаков, – что такое могли с товарищем сотворить гимназисты?

– Я не исключаю такой возможности, – Путилин продолжал стоять у окна и исправник не видел его лица, которое скривилось, словно начальник сыскного отделения испытал резкую зубную боль, – нынешние юноши не в пример нам испорчена французскими романтическими романами, – и повернул голову к Жукову, – не так ли, Миша?

Помощник покраснел от слов Ивана Дмитриевича, но ничего не произнёс в ответ.

Возникла неловкая тишина, только часы продолжали отстукивать своё неизменное «тик—так».

– Иван Дмитрич, – поднялся со стула штабс—капитан, – можно приступать? Только вот... Константин Николаевич, подскажите, какие деревни расположены рядом со Стрельной?

– Всего три, но я бы не рекомендовал там никого опрашивать, – исправник склонил голову к левому плечу и покачал ею.

– Отчего же? – Произнёс Путилин.

– Все равно ничего не скажут, даже если что—то увидели.

– Но...

– Иван Дмитрич, вы для них чужаки, а я смогу выяснить и завтра, может быть, послезавтра вам доложу о том, что смогу узнать.

Начальник сыскного отделения тяжело вздохнул.

– Хорошо, хотя я не привык полагаться на чужие слова, – и быстро добавил, – вы не примите мои слова, как недоверие, просто привычка проверять все самому.

– Я не имею претензий, – неожиданно улыбнулся Колмаков, – сам из той же породы.

– Тогда, Константин Николаевич, я попрошу вас, не мешкая, как только доктор составит рапорт о вскрытии прислать не почтой, а с посыльным.

– Непременно, об этом можете не беспокоиться.

– Тогда с вашего позволения мы продолжим расследование в столице, там и гимназия, и отправитель телеграммы, видимо оттуда придётся тянуть ниточку.

Из—за рабочего стола поднялся хозяин.

– Иван Дмитрич, если мы поспешим, то успеем на пятичасовой поезд, ведь следующий будет только в одиннадцатом часу.

Каждый из сотрудников сыскного отделения думал о своём после прощания на вокзале, ехали почти половину пути, не разговаривая, пока не нарушил первым молчание Миша Жуков.

– Как вам кажется, – обратился сразу к сослуживцам. – справится исправник с заданием?

– Вполне, – с серьёзным выражением лица ответил Иван Иванович.

– Но...

– Константин Николаевич знает порученный ему уезд и, как своему, расскажут больше, чем нам.

Штабс—капитан подтвердил слова надворного советника кивком головы.

– Хорошо.

– Итак, господа, – Иван Дмитриевич опирался двумя руками о трость, – каковы соображения по данному делу?

– Я думаю, рано говорить, – начал неугомонный Миша.

– Рано, – перебил его Путилин, – но, чтобы двигаться далее, необходимо выбрать сторону.

– Направление, Иван Дмитрич, выбрано, – штабс—капитан сжал губы и продолжил, – вы верно заметили, что требует проверки Кронштадтская гимназия, не пропал ли кто из их учеников и квитанция, которую тоже стоит проверить. В данную минуту вижу только эти дорожки.

– Вы правы, – Путилин посмотрел на Орлова, – вот вы и займитесь Кронштадтом, а вы, Иван Иванович, квитанцией, – и он протянул надворному советнику бумагу серого цвета.

– А я? – Обижено спросил Миша.

– Ты мне нужен на Морской.

– Иван Дмитрич, сегодня мне не поспеть в Кронштадт, – штабс—капитан смотрел на свои руки.

– Я на этом не настаиваю, займитесь с утра.

– Хорошо.

– А я думаю, – сощурил глаза надворный советник Соловьёв, – сумею узнать в ведомстве, откуда и главное кем послана телеграмма.

– Вполне возможно.

Уже на перроне Иван Дмитриевич пальцами правой руки медленно почесал нос.

– Вот что, господа, сейчас вас не смею задерживать, завтра у каждого из нас трудный день, ступайте—ка по домам, – на секунду замолчал, – меня предчувствие никогда не обманывало и вот в данную минуту мне кажется, что ещё не одно неприятное мгновение преподнесёт нам расследование. Ступайте и жду от каждого из вас известий, которые помогут нам в изобличении преступников.

– Преступников? – Не утерпел Жуков и вставил слово.

– Да, именно преступников, мне кажется их было не менее двух. Все, ступайте, – и повернувшись. Иван Дмитриевич, помахивая тростью, направился в сторону Обводного канала, где намеревался взять экипаж, чтобы следовать на Большую Морскую. Дома никто, кроме домработницы Глаши, не ждал, поэтому Путилин предпочитал проводить время в своём кабинете в сыском отделении, считая, что там он приносит больше пользы, чем сидя в домашнем халате у камина с газетой в руках.

Глава пятая. Кронштадт и новые ниточки

Причал, с которого отходили суда в Кронштадт, находился напротив 8 линии Васильевского острова. Небольшое деревянное здание в два этажа, на первом светлая зала с буфетом для пассажиров первого класса и небольшая комната для второго.

Не смотря на размеры судна, оно тоже имело каюты для разных сословий. Те, кто побогаче получал места на верхней палубе с большими стёклами и изумительным видом на залив.

Штабс—капитан прибыл к причалу за четверть часа до отправления. Суда отходили в Кронштадт каждые три часа, начиная с девятого часа утра и заканчивая шестью вечера. Василий Михайлович приобрёл билет, заплатив за место в первом классе, отсчитав шестьдесят копеек серебром. Неспешным шагом поднялся по трапу на пароход и остановился на открытой площадке, наблюдая за суетой на причале и судне. Ещё вечером посмотрел в адрес—календаре, что в Кронштадте только одна гимназия и любопытно было то, что «по Высочайшему Указу 10 февраля 1817 года дарованы гимназии сей особые права и преимущества, состоящая в том, что ученики, окончившие курс учения в оной, поступают в гражданскую службу чином XIV класса, и при дальнейшем производстве в чины не подвергаются установленному указом 6 августа 1809 года испытанию».

Не каждое заведение, смотрел штабс—капитан на бурлившую у борта воду, имеет такие привилегии.

Инспектор тамошней гимназии статский советник Добронравов представал перед штабс—капитаном пока черным пятном с неизвестным характером и захочет ли он принять столичного сыскного агента? Тоже интересный вопрос.. Порой начальники заведений не то, что с неохотой, а с большим неудовольствием принимают полицейских чинов, считая, что приход тех ставит большое несмываемое пятно на репутации воспитанников.

Шли по заливу полтора часа и, несмотря на то, что апрельский ветер все—таки окутывал штабс—капитана холодными струями, Василий Михайлович не покинул палубу, а продолжал стоять, подняв воротник пальто и задумчиво разглядывая проплывающий берег.

Прибыли минута в минуту, чтобы не терять времени Орлов взял извозчика.

— Эх, барин, куда изволите?

— В мужскую гимназию, — сказал Василий Михайлович поудобнее усаживаясь в коляску.

— Извиняйте, — обернул голову возница, — это ту, что на Николаевском?

— А что здесь много мужских? — Удивлённо сказал штабс—капитан.

— Никак нет.

— Так что спрашиваешь?

Извозчик спрятал улыбку под густой бородой и Щёлкнул кнутом. — Пошла, родимая.

Ехать пришлось недолго, в начале пересекли канал Петровского дока, Обводный канал, потом по левую руку остался Гостиный двор, гудевший, как разбуженный улей, по правую деревянный собор Владимирской иконы Божьей Матери. Остановились у ворот трехэтажного жёлтого здания.

— Приехали, барин, — обернулся возница.

Орлов, молча, протянул извозчику пятиалтынный, сошёл с коляски, размял ноги и направился ко входу в гимназию.

Перед входом прохаживался то ли привратник, то ли местный дворник в сером камзоле, словно солдат на посту. Штабс—капитан обратился к нему.

— Послушай, любезный, где я могу найти господина Добронравова?

— Ивана Ильича или Сергея Фомича?

— Инспектора, — удивлённо остановился Василий Михайлович.

– Значит, Ивана Ильича. Он недавно здесь проходил с проверкой...

– Так, где я могу его найти? – Прервал словоохотливого собеседника штабс—капитан.

После того, как дворник объяснил, как найти инспектора, Василий Михайлович поинтересовался, кто же такой Сергей Фомич Добронравов.

– Он тут воспитателем служит. Прошу прощения, а вы кто будете? – Собеседник держал дверь за ручку, не пропуская штабс—капитана, выполняя роль цербера при гимназии.

– Сыскная полиция, – Орлов посмотрел в глаза дворнику, тот стушевался и отступил в сторону, пропуская штабс—капитана.

Господин Добронравов оказался мужчиной сорока пяти лет, с пышной шапкой темных волос. без единого седого волоска, улыбающимся лицом и детскими ямочками на щеках.

– Чем обязан? – после того, как штабс—капитан представился, произнёс Иван Ильич.

– Хотелось бы получить некоторые сведения об одном из ваших воспитанников.

– Любопытно, – с удивлением в голосе произнёс инспектор. – и чем наши воспитанники могут заинтересовать полицейское управление, притом сыскное?

– Служба такова, – на лице Василия Михайловича появилась улыбка, – видите ли, приходится проверять всяческие, даже самые нелепые, слухи, чтобы расследование вышло на прямую дорогу.

– Понимаю, присаживайтесь, господин Орлов.

– Василий Михайлович.

– Да, да, Василий Михайлович, присаживайтесь, – и указал на изящное кресло, оббитое коричневым бархатом, – так чем могу служить?

– Вы знаете всех своих воспитанников?

– Конечно.

– Вам знакома фамилия Мякотин или Мякатин?

– Да, – Иван Ильич кивнул головой, – в старшем классе учится Сергей Мякотин.

– Вы позволите с ним переговорить?

– С удовольствием, но, увы, это невозможно.

– Отчего? – Казалось, что штабс—капитан искренне удивился.

– Минуту, – Иван Ильич поднялся с кресла, приблизился к столу, открыл толстую тетрадь, полистал её и с обрадованным видом подошёл с какой—то бумагой к сысному агенту.

Василий Михайлович взял бумагу, оказавшуюся телеграммой, – третьего дня мне принесла её госпожа Мякотина.

Орлов прочёл текст, потом посмотрел на адрес «Наличная улица дом 15, квартира 5, Марии Алексеевне Мякотиной».

– Кто вам принёс телеграмму.

– Госпожа Мякотина.

– Вы сказали третьего дня?

– Так, сегодня тринадцатое, – начал вспоминать господин Добронравов, – десятого, нет, нет, я не прав, госпожа Мякотина принесла мне телеграмму девятого числа.

– Да, именно мне.

– Что—нибудь при этом говорила?

– Добавила, что Серёжа заболел.

– Понятно, а что вы можете сказать о воспитаннике.

– Почти ничего, – Иван Ильич присел на соседнее кресло, – талантами Сергей не блещет, посредственные оценки по предметам.

– Про поведение что—либо можете сказать?

– К сожалению ничего.

– Может быть, подскажите, с кем он дружен в гимназии.

– Увы, – Добронравов развёл руками. а потом добавил, – вы мне все—таки скажете, что случилось?

– Не хотелось бы вас пугать, – Василий Михайлович подбирал слова, – но мне кажется, что вы лишились своего питомца.

– Он что—то совершил противозаконное?

– Хотелось бы, чтобы я ошибался.

– Так что же все—таки случилось с Мякотиным?

– Не хотелось бы вас огорчать, но мне кажется, что Сергей мёртв.

– Такого просто не может быть.

– Может, – тяжело вздохнул штабс—капитан, решивший, что инспектор кронштадтской гимназии заслуживает знать правду, – вчера утром у станции Стрельна найден труп молодого человека и мы предполагаем, что этим человеком может быть Сергей Мякотин.

– Он опознан?

– К сожалению нет, повреждено лицо.

– Может быть, ошибка?

– В кармане гимназической формы найдена квитанция, свидетельствующая, что молодой человек отправил телеграмму, текст которой вы мне показали.

– Если вы ждёте, что я могу что—то добавить к сказанному о Сергее, то напрасно, я все о нем вам сказал. Учителя тоже не смогут вам добавить ничего нового.

– Неужели ничего?

Добронравов задумался, потирая пальцами переносицу.

– Ничего, повторяю, добавить не смею, ведь Мякотин ничем не блистал. По поводу дружбы Сергея с соучениками добавить ничего не могу, насколько я знаю, он был не общителен.

– Позвольте поговорить с учениками?

– Извините, но позволить не могу. мне не хотелось бы ненужных слухов в гимназии, тем более, что ничего нового вы не узнаете. Мне службой предписано знать всех учеников, их чаяния и даже мысли, вот поэтому для вас будет пустой тратой времени, а для меня излишними слухами.

– Но все равно в гимназии рано или поздно станет известным о смерти ученика старшего класса.

– Поверьте, я сумею преподнести сей печальный факт в выгодном для гимназии свете.

Орлову так и хотелось добавить «для вас», но он сдержался, поднялся с кресла, отклонился и вышел. Только на улице он вспомнил, что не спросил инспектора, как пройти на Наличную улицу.

Дворник топтался во дворе, словно на самом деле стоял на посту, он—то и объяснил сыскному агенту, что здесь недалеко: пройти вдоль крепостной стены по Северному бульвару до Чеботарёвой улицы, потом направо и предстанет Наличная во всей красе.

– Далеко ли? – поинтересовался Орлов.

– Нет, барин, рукой подать, – ответил страж входной двери.

И на самом деле до искомого дома штабс—капитан дошёл за четверть часа. Поднявшееся солнце дарило тепло и слепило глаза, небо не предвещало плохой погоды, ни единого облачка не проплывало по голубому океану.

Глава шестая. Кронштадтские визиты

Мария Алексеевна Мякотина занимала на Наличной улице двухэтажный деревянный дом, доставшийся от почившего в бозе восемь лет тому супруга статского советника. служившего по морскому ведомству. Пенсия за мужа позволяла сводить едва концы с концами, если бы не помощь родного брата. жившего на Украине в большом поместье, где имел, кроме пахотных земель, огромное стадо коров.

Дом пятью окнами смотрел на Наличную улицу, небольшую и уютную.

Штабс—капитан остановился перед входом, ему не нравились такие минуты. когда приходилось приносить обитателям плохие вести. особенно такие, когда речь идёт о смерти сына. Василий Михайлович лелеял надежду, что госпожа Мякотина отмахнётся от такой вести и с улыбкой произнесёт «Господь с Вами, Сергунчик сегодня только отбыл в столицу».

Звонок глухо зазвенел внутри дома и через несколько минут дверь распахнулась. представив взору Орлову совсем молоденькую девушку в белом переднике. Она улыбнулась статному штабс—капитану.

— Добрый день, — её голос звучал звонким колокольчиком.

— Могу ли я видеть госпожу Мякотину? — Василий Михайлович по военной приложил руку к головному убору.

— Как о вас доложить?

— Штабс—капитан Орлов по частному делу.

— Подождите минутку, я доложу, — девушка отступила в сторону, пропуская Василия Михайловича в коридор. не миновало и одной минуты, как девушка вернулась:

— Мария Алексеевна вас примет, разрешите ваше пальто.

Хозяйка оказалась дамой лет сорока с густой шапкой темных волос, в которых вплелись едва заметные седые пряди. Она с интересом посмотрела на гостя с военной выправкой.

— Чем могу быть вам полезна? — сказала она после приветствия, — присаживайтесь, — она указала на диван, стоящий напротив кресла, в котором она сидела. — и с кем имею дело?

— Простите, что не представился, — гость поднялся, — штабс—капитан Орлов. — Госпожа Мякотина, — Василий Михайлович прикусил губу, так не хотелось быть вестником смерти, — скажите у вас есть дети?

Хозяйка поначалу опешила, что левая бровь непроизвольно поднялась вверх.

— Да, — после некоторой паузы произнесла она и добавила, — странный вопрос. не находите?

Орлов не обращал внимания на последние слова хозяйки.

— Извините. великодушно, но я — агент столичной сыскной полиции и имею к вам несколько вопросов.

— Опять мой Сергей что—то совершил?

— Вот о нем и пойдёт речь.

— Значит, снова набедокурил и что в этот раз? — по её лицу промелькнула тень беспокойства.

— Когда вы видели в последний раз?

— Семь дней тому.

— Он же учится в гимназии здесь, в Кронштадте?

— Совершенно верно, но я отослала его в Петербург там надо было оформить несколько бумаг по поручению моего брата. Самой мне стало дурно, и я отправила Серёжу.

— На сколько дней он отправился в столицу?

— На два—три.

— Вы не интересовались почему он задержался там?

– Нет, иногда вместо нескольких дней он задерживался там дольше, понимаете, там квартира моего брата, а молодым хочется немного отвлечься от родительской опеки, вот я и не препятствовала тому, что он задерживался там. Тем более, что он всегда присылал телеграммы.

– Так было и в этот раз.

– Да, но вы, господин штабс—капитан, объясните. что все—таки произошло с моим мальчиком. Он посажен под арест?

– Госпожа Мякотина, боюсь дело обстоит гораздо хуже, – Василий Михайлович остановился и посмотрел в окно, не мог себя пересилить и взглянуть в глаза вдове.

– Господин Орлов, – повысила голос Мария Алексеевна, – что стряслось с Серёжей, в какую историю он попал?

– Вы можете проехать в столицу, чтобы опознать молодого человека, найденного вчера убитым.

Лицо хозяйки перекошилось, она прикрыла рот рукой, глядя на гостя испуганными глазами.

– Нет, нет, – сделал попытку успокоить Мария Алексеевну Орлов, – может быть, это не ваш сын, при нем не было документов, а только квитанция об отправленной телеграмме.

– Серёжа... – только и произнесла вдова, но потом взяла себя в руки, лицо стало непроницаемым. словно гипсовая маска, – когда надо... опознать, – голос стал хриплым и неузнаваемым.

– Если возможно, то сегодня или завтра.

– Хорошо, но я, видимо, не перенесу вида... моего сына, – она запнулась, и на глазах выступили слезы, но она быстро взяла себя в руки, – поедет Венедикт.

– Венедикт?

– Да, это мой средний сын, он на год младше Серёжи, – Мякотина вновь запнулась.

– Когда он сможет приехать?

– Завтра с утра, – и добавила, – первым пароходом.

– Я напишу адрес сыскного отделения.

Мария Алексеевна промолчала.

– Скажите, госпожа Мякотина, у Сергея были приятели в Петербурге?

– В доме, где квартира брата, там Серёжа был дружен с сыном статского советника Нартова Иваном.

– А здесь в Кронштадте?

– Не могу сказать, но скорее всего, нет. У нас никто не бывал, приходили мальчики только к Венедикту.

– Ваш брат проживает в столице.

– Нет, – устало проговорила Мария Алексеевна, сраженная новостью, принесенной Орловым, – мой брат имеет квартиру здесь, в столице, на Сергиевской, в доме господина Ромолова, а сам живёт в имении в Херсонской губернии.

– Квартира пустует?

– Там живёт прислуга брата.

– Не скажите, какие бумаги должен был оформить Сергей?

– Толком не знаю, какие—то бумаги у поверенного, Николай Алексеевич хотел, чтобы Сергей пошёл по юридической стезе, поэтому и стремился иногда давать поручения моему сыну, – госпожа Мякотина приложила к глазам платочек.

– Не подскажите фамилию?

– У Подгородецкого, это поверенный Алексея, ведущий некоторые его дела.

– Скажите. я могу поговорить с Венедиктом?

– Он сейчас в гимназии, – и упавшим голосом добавила, – где учился и Серёжа.

– Тогда, не буду тратить ваше время, последний вопрос, – штабс—капитан поднялся, – имя, отчество вашего брата?

– Николай Алексеевич Ребров.

– За сим разрешите откланяться, – Василий Михайлович кивнул головой и направился к выходу.

Хотя до отправления парохода и оставалось время, но штабс—капитан решил не возвращаться в гимназию, а завтра не только предъявить тело для опознания Венедикту, но и переговорить с ним.

По дороге остановился, словно перед ним появилась невидимая стена, и направился в обратном направлении, в гимназию.

Тот же дворник делал вид, что занят делом, исподлобья взглянул на гостя и снова лениво провёл метлой по двору, выложенному булыжником.

Господин Добронравов встретил посетителя уже не так любезно, как накануне, а недобрый взглядом, не сулящим ничего хорошего.

– Я вас слушаю, господин Орлов, – процедил инспектор сквозь зубы, словно испытывал боль.

– Мне хотелось бы получить вашего разрешения на беседу с одним из ваших воспитанников.

Иван Ильич смилостивился, даже лицо подобрело, что сыскной агент не требует, а просит разрешения. Поначалу Добронравов решил отказать настойчивому штабс—капитана, а потом решил, что лучше с полицейским управлением не искать ссоры, пусть разговаривает, неужто от этого дисциплина в порученном заведении станет хуже.

– И с кем из моих воспитанников?

– С Венедиктом Микотиным.

Инспектор объяснил, где найти класс, в котором в данную минуту проходил урок математики, где присутствовал и Венедикт Микотин.

Учитель позволил Венедикту выйти из класса только после того, как Орлов сослался на позволение инспектора гимназии.

Брат Сергея Микотина оказался довольно высоким мальчиком с нескладной фигурой, входящего только в пору взросления юноши. Серые глаза с удивлением смотрели на незнакомца, вопрошая, что тому понадобилось, вроде бы провинностей за ним нет.

– Венедикт, – начал Василий Михайлович, – я – агент сыскной полиции штабс—капитан Орлов.

Мальчик вжал голову в плечи.

– Мне хотелось бы поговорить о твоём брате.

– Каком? – лицо Венедикта оживилось от облегчения, что речь пойдёт не о нём.

– Что каком?

– Каком брате – о Сергее или Мише?

– Ах это, – только сейчас Орлов сообразил, что у госпожи Мякотиной три сына, – о Сергее.

Венедикт кивнул головой.

– Скажи, с кем из воспитанников он был дружен?

– Ни с кем, – ответил мальчик, – он считает, что с ним учатся не очень приятные личности, которые не заслуживают его дружбы.

– Но что—то он рассказывает о тех, с кем учится?

– Нет, он старается никого не замечать.

– В столице есть у него приятели?

– Так вы у него самого и спросите, – хотел что—то добавить, но сдержался.

Василий Михайлович понял, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут, мальчик будет либо молчать, либо кивать на брата, что пусть тот и отвечает.

— Хорошо, Венедикт, можешь идти в класс.

Теперь нужно отбывать в столицу, более сведений не получить, конечно, можно поговорить с воспитанниками, где Сергей учился, но уверенность Орлова росла, что бесполезно это делать, нового ничего узнать более нельзя.

На пристань Василий Михайлович пришёл за четверть часа до отплытия.

Поднялся по скрипучему трапу и опять остался на палубе, поправил ворот, но потом все—таки решил сходить в буфет, с утра у него не было во рту маковой росинки. Надо было, кроме всего прочего, подумать о том, что довелось услышать. Видимо, в самом деле, Микотин—старший такой скрытный. так сказать сам в себе и поэтому не нравилось выставлять себя на показ, либо слишком заносчив с таких молодых лет.

Мясо, которое принёс официант Орлову было мягким и с такой долей перца, которая нравилась штабс—капитану. Он без колебаний заказал ещё одну порцию и теперь блаженствовал, маленькими глотками отпивая из чашки ароматный кофе. Уходить из теплого буфета не хотелось, поэтому Василий Михайлович просидел за столом до самого прибытия на пристань у 8 линии Васильевского острова.

Глава седьмая. В сыскном

Подъезжая к сысному отделению Василий Михайлович чувствовал некоторую усталость более от проведённых на пароходе часов, нежели от хождения по незнакомому городу. Дотоле Орлов никогда не посещал Кронштадта, город ему не понравился, безликий, напоминающий столичные улицы, хотя ранее в свободные от службы часы имел желание посетить Котлин—остров, но так и не удосужился.

В сысском отделении царил покой, не то, что в иных учреждениях, когда постоянная суতোлка суесящихся сотрудников, неизвестно чем занимающихся или делающих вид своей значимостью, наводят мысли о чрезмерной занятости работников.

Василий Михайлович кивнул головой дежурному чиновнику в знак приветствия, приложил руку к головному убору и быстрым шагом поднялся на второй этаж, где находился кабинет Путилина, чтобы отчитаться перед начальником за поездку в Кронштадт.

Штабс—капитан постучал в и, не дожидаясь приглашения, отворил дверь.

— Иван Дмитрич, позвольте, — спросил скорее для виду, чем на самом деле.

— Василий Михалыч, — обрадовался начальник сысского отделения, оторвал глаза от бумаги, которую держал в руках, словно давно поджидал агента с докладом. Не смотря на ранний час, по другую сторону начальственного стола сидел помощник Ивана Дмитриевича Жуков. На лице Миши читалось выражение скорее скуки, нежели усталости.

— Чем порадуете? — Путилин, казалось с большой охотой, отложил документ в сторону.

«Не иначе очередной циркуляр из канцелярии градоначальника, либо из министерства», — подумалось штабс—капитану. Он помолчал, собираясь с мыслями и, подойдя к окну, то ли в подражание начальнику. то ли просто неосознанно, начал отчитываться за вояж в Кронштадт.

— В Кронштадте проживает вдова статского советника Микотина, которая имеет сыновей, учеников местной гимназии. Один из них, Сергей, был послан неделю тому в столицу по делам дяди, именно он послал телеграмму, квитанцию, об отправлении которой, обнаружил Михаил в гимназическом сюртуке. Через час—два прибудет брат Сергея Венедикт, чтобы опознать найденное тело.

— Почему не сама госпожа Мякотина? — Нахмурился Иван Дмитриевич.

— Мария Алексеевна болеет.

Путилин сжал губы и покачал головой, но через секунду произнёс:

— Продолжайте. Василий Михайлович.

— Ничего ни плохого. ни хорошего в гимназии мне поведать не могли, слишком скрытым был Мякотин?

— Вы так уверенно говорите, что найденный непременно должен оказаться Сергеем.

— Да, — после некоторого молчания сказал Орлов:

— Я уверен в этом, хотя хотелось бы ошибиться.

— Уж лучше иметь опознанного юношу, чем неизвестного, — встрял в разговор Миша, но тут же смутился, что выдал чуть ли не очередную глупость, — тогда следствие остановится на полпути, как с тем незнакомцем с Лесной.

Упомянутый Жуковым неизвестный был найден дворником одного из домов во дворе за поленницей дров. Ни документов, ни приметной одежды, ни каких—либо приметных пятен или родинок на теле, ничего. Тогда охватили расспросами чуть ли не всю округу, но никто так в убитом знаконца не признал, а как вести расследование, когда неизвестного никто не видел, словно с неба упал, так и похоронили, как неизвестного.

– Оно верно, Миша, – тяжело вздохнул Иван Дмитриевич, – но все—таки мы – отделение сыскное и должны преступников изобличать, а не расписываться в собственном бессилии, как в упомянутом тобой деле на Лесном. Продолжайте, Василий Михайлович.

– Рассказывать в прочем нечего, замкнутый юноша, ни друзей, ни врагов. Я думаю, надо начинать со столицы. Здесь Сергей частенько оставался один в квартире брата Марии Алексеевны господина Реброва.

– Совершенно один?

– Нет, в квартире постоянно проживает прислуга, сам же Николай Алексеевич обитает в херсонском имении.

– Значит, он давал поручения ученику гимназии? – С удивлением в голосе сказал Путилин.

– Господин Ребров имел планы дать Сергею юридическое образование, хотел, чтобы в их семье был свой присяжный поверенный. Вот поэтому и поручал племяннику такие поручения.

– Не рановато ли?

Штабс—капитан только пожал плечами, подразумевая, что чужая семья, все—таки, потёмки со своими мыслями и уставом.

– В котором часу приедет Венедикт?

– Я думаю, в полдень, – Василий Михайлович потёр пальцами правой руки переносицу, – в девять первый пароход, два часа по заливу и от Васильевского к нам, да, думаю, ближе к двенадцати часам.

– Вы имеете желание самому принять участие в опознании? – Иван Дмитриевич не отрывал взгляда от стола.

– Да, хотелось бы самому увидеть отношение между братьями: стоит ли доверять Венедикту.

– Что ж, – Путилин сощурил глаза, словно что—то прикидывал, – я не против, только, Василий Михайлович, – сделал паузу, – не напугайте юношу. Нынешнее поколение уж больно впечатлительное, не дай Бог, нервничать начнет, сами понимаете, нам надо блюсти порядок и не допускать родственников к расследованию, иначе получится истинное безобразие.

– Иван Дмитрич, – Орлов подошёл к столу и сел на стул, – позвольте встретить юношу и сразу в анатомический театр.

– Пожалуй, вы правы, Василий Михайлович, поезжайте, встретите Венедикта, – последнее слово прозвучало так, словно Иван Дмитриевич забыл имя среднего сына госпожи Мякотиной, – знаю, что легче ему будет. Не знаю, какие отношения связывали братьев, но все же родные,

– Хорошо, – штабс—капитан произнёс, направляясь к выходу.

– Итак, Миша, что там стряслось на Николаевском вокзале? – последнее, что услышал Орлов. Ответ Жукова поглотил толстая дубовая дверь.

На пирс Василий Михайлович прибыл за несколько минут до швартовки судна. Пассажиров было немного и среди спускавшихся по трапу шел высокий юноша, поглядывающий серыми глазами по сторонам, словно госпожа Мария Алексеевна считала любимцем Венедикта и никуда от себя не отпускала.

Мякотин подошёл к сыскному агенту, которого заприметил, будучи на борту парохода.

– Здравствуйте, господин Орлов, – поздоровался с штабс—капитаном Венедикт и покраснел, словно совершил что—то постыдное.

– Доброе утро! – Ответил Василий Михайлович и на его лице появилась улыбка. – Не утомила дорога?

– Отнюдь, – не сказал, а выдохнул юноша, и добавил, – не так часто мне доводится посещать столицу.

– Ты не против, если мы дойдём до анатомического пешком?

– Нет, – тяжело выдохнул Венедикт, было и без вдоха понятно, что гимназист имеет стремление отсрочить опознание тела, чтобы, не дай Бог, узнать в нем брата.

– Сергей часто бывает в столице? – Орлов с умыслом сказал «бывает», чтобы в юноше жила надежда и не слишком он волновался в театре.

– Да, – после некоторой паузы произнёс Венедикт, – ему дядюшка благоволит и разрешает жить на квартире.

– А тебе?

– Исключительно с маменькой.

– Все—таки, как часто бывает Сергей в столице.

– Простите, но я не отмечаю даты в календаре, – в голосе гимназиста слышались нотки скрытой обиды то ли на дядю, то ли на брата.

– Венедикт, – штабс—капитан шёл, заложив руки на спину, – мной движет не праздное любопытство, а исключительно дела службы, на которой мне приходится много чего выслушивать, прежде чем в просеянном найти ту крупницу, что поможет в нахождении преступника или его изобличении.

– Я понимаю, – Венедикт шёл, не отрывая взгляда от мостовой, словно, в самом деле, напроказничал и сейчас стыдится своих поступков, – Сергей ведёт себя очень тихо в присутствии маменьки и особенно дяди.

– Дяди?

– Дяди, – с обидой в голосе произнёс гимназист, и Орлову показалось, что Мякотин процедил сквозь зубы, – а нас он и видеть не хотел.

– Когда ты видел Сергея в последний раз?

– Перед его самым отъездом в столицу.

– Он что—нибудь говорил?

– Нет, как всегда с улыбкой и шутками, – Венедикт цедил слова сквозь зубы, словно муку сквозь сито, было видно, что брата не чествовал.

– Не страшно увидеть брата... мёртвым? – Не сдержался штабс—капитан.

Венедикт втянул голову в плечи, и было видно, что некуда деть мешавшие при ходьбе руки.

– Нет, – едва слышно произнёс Венедикт, – у каждого из нас своя судьба.

– Рановато ты о судьбе—то, – Орлов улыбнулся уголками губ.

– Господь дал, Господь взял, – гимназист не поднимал головы, – все мы – смертны, кто – раньше, кто – позже, все там будем.

Интересно было слышать от столь юного создания такие рассуждения, словно Венедикт прожил жизнь и теперь на её склоне готов поделиться мыслями.

До анатомического театра шли, больше не произнеся ни слова. Штабс—капитан украдкой поглядывал на гимназиста, отмечая серьёзное лицо юноши и неприсущую в таком возрасте глубокую морщинку над переносицей.

В анатомическом театре, расположенном в Императорском Университете, Венедикт вёл себя спокойно, никакого волнения. Складывалось впечатление, что перед ним на металлическом столе лежит не тело погибшего человека, а кукла в полный рост, хотя и без головы.

Перед самым опознанием Мякотин указал, что на икре левой ноги Сергея рваный шрам, оставшийся от детской шалости, когда они полезли в недостроенный дом и там брат наткнулся на толстый гвоздь и с испугу дёрнул ногой так, что разорвал не только кожу, но и мышцу. Довольно долго лечился, но, слава Богу, все обошлось. При этих словах Венедикт взглянул на тело и только в эту минуту перекрестился, но во взгляде не мелькнуло ни

капельки сочувствия к безвременной кончине брата. Только перед самым выходом из анатомической залы тяжело вздохнул, бросил какой—то непонятный для Орлова взгляд, в котором невозможно было прочесть ни единого чувства, владевшего гимназистом.

Глава восьмая. Неспешная поступь

Иван Иванович Соловьёв, надворный советник и кавалер «Станислава» 3 степени, поднялся, как говорят, ни свет, ни заря в весьма благодушном настроении, и это не смотря на вчерашний суматошный день в Стрельне, который, по чести говоря, порядком вымотал. Выкушал стакан горячего чая с пирожками, испечёнными накануне днём кухаркой, просмотрел заново вчерашние газеты, выискивая в них интересное, и нетерпеливым взглядом поглядывал на едва бегущие по циферблату стрелки. Почтовое отделение при Варшавском вокзале открывало двери для обывателей в восемь часов. Вряд ли можно застать ответственных лиц ранее сего часа, рассуждал Иван Иванович, и, не выдержав, накинул верхнее платье. На улице кликнул извозчика и, удобно устроившись на медвежьей шкуре, произнёс:

– На Варшавский.

Город давно пробудился ото сна, по улицам сновали торговцы, расхваливая товар, писмоводители и мелкие чиновники, подняв воротники и поёживаясь от утренней прохлады, спешили на службу.

Надворный советник расплатился с извозчиком и сошёл на выложенную булыжником мостовую на площади слева от вокзала. Люди, словно муравьи в ульи, сновали, кто куда – кто спешил на поезд, кто только приехал и теперь направлялся в город.

– Прощения—с просим, господин надворный советник, – развёл руками почтовый чиновник, выделяя это «надворный советник», и на лице появилась лисья улыбка, – без позволения господина Вербицкого никак невозможно вам помочь.

– Где я могу найти господина Вербицкого? – Иван Иванович теперь в подражание чиновнику выделил фамилию начальника почтового отделения.

– Так пройдёте по коридору и в самом конце дверь коричневую увидите, вот за нею и восседает наш Никифор Трофимыч, – и лисья улыбка стала ещё гаже и лицо, словно бы вытянулось, заострилось.

Соловьёв прошёл по длинному коридору, освещённому весенним утренним светом сквозь чистые стекла без единого пятнышка. Постучал и, не дождавшись ответа, отворил дверь с ступил в кабинет.

Никифор Трофимыч, сидевший за столом, поднял голову и с удивлением посмотрел на раннего посетителя, видимо, визитами начальника почтового отделения не баловали.

Иван Иванович ожидал увидеть человека в летах, обременённого долголетней службой и уставшего от неё. Из—за стола поднялся довольно молодой мужчина в отутюженном мундире зелёного цвета с начищенными пуговицами.

– Доброе утро! – Молодой человек одёрнул полы мундира, – чем могу быть полезен?

– Надворный советник Соловьёв. – представился Иван Иванович, – чиновник по поручениям при отделении сыскной полиции.

– Любопытно, – произнёс с ещё большим удивлением Вербицкий, – я никого не вызывал и никаких происшествий, способных заинтересовать ваше ведомство у нас не случилось.

– Я по делу службы.

– Если так, то вас слушаю. Присаживайтесь, – Никифор Трофимович указал на стул, стоящий перед столом.

– Благодарю, господин Вербицкий.

– Можно просто Никифор Трофимович, – начальник почтового отделения покраснел, – я только исполняющий должность и не привык к официальному обращению.

– Хорошо, – улыбнулся Соловьёв, – не буду вас задерживать. Вот, – он достал из бумажника квитанцию и положил перед Вербицким, – помогите мне выяснить, кем и когда была отправлена телеграмма.

– Только—то, – с облегчением вздохнул начальник, – это я мигом, – он вскочил из—за стола и быстрым шагом пересёк кабинет. Обернулся у самой двери и смущённо произнёс, – простите, ради Бога, я ещё не привык к новому положению, – и скрылся за дверью.

Ждать пришлось около пяти минут, в течении которых Иван Иванович с интересом рассматривал кабинет, где кроме стола, покрытого зеленым сукном в цвет мундиров почтового ведомства, трёх стульев, большого шкапа, сквозь стекла которого проглядывались корешки Свода Законов с золотым теснением и двух небольших картин – на одной изображена несущаяся тройка, видимо, символизирующая быстроту доставки почтовых отправок, на второй – заснеженный лес. Обязательного в чиновничьих кабинетах портрета Государя Иван Иванович не обнаружил.

– Вот, – дверь распахнулась и в кабинет влетел хозяин, – вот, – повторил Вербицкий ещё раз и положил перед Соловьёв квитанцию и поверх неё листок бумаги, – затараторил, – здесь я написал, кто отправил, когда, то есть какого числа и во сколько, кому. Да, принимающий телеграмму Иванов сказал, что гимназист был не один и запомнил потому, что они шумели, громко переговаривались и притихли после того, как им сделал замечание какой—то господин.

В кабинете воистину воцарилась тишина.

– Иванов не запомнил, сколько было молодых людей и сможет их опознать?

– Господин Соловьёв, я приведу Иванова и он сам вам расскажет.

– Хорошо.

Через минуту дверь распахнулась и на пороге появился маленький щуплый человек неопределённых лет с бегающими глазками и обветренным лицом.

– Иван Иванович Иванов, – представил исполняющий должность начальника почтового отделения.

– Так, голубчик, – Соловьёв осмотрел вошедшего внимательным взглядом с головы до пят, – скажи—ка про тех молодцев, что были с гимназистом.

– С Мякотиным? – уточнил Иванов.

– Так точно.

– Двое их было, а вот как выглядели не помню. У меня память больше фамилии да имена запоминает, а вот лица, прошу прощения, не слишком.

– Ты говорил, шумели они?

– Истинно так, словно из лесу приехали и города не видели.

– Может помнишь, в гимназических тужурках они были или нет?

Иванов на секунду задумался, даже глаза закрыл.

– Нет, в цивильном платье.

– Точно в цивильном?

– Вот вам крест в цивильном, – и Иванов перекрестился.

– Ты бы их распознал, если тебе их показать?

– Никак нет, – Иванов посмотрел в пол, словно провинившийся ребёнок, – фамилии – другое дело, а вот лица... На них памяти нет.

– Ладно, ступай, – Соловьёв поднялся со стула, – постой, – ему пришла нелепая мысль, – ты говорил господину Вербицкому, что какой—то господин сделал гимназисту замечание, не помнишь его?

– Дак он сразу за гимназистом отправлял телеграмму, его фамилия, – Иванов вскинул брови кверху, – Степанов... отправлял телеграмму... сейчас, сейчас... в Гатчину, да, да, в Гатчину, по адресу, – и продиктовал адрес, – а запомнил его оттого, что тепло на улице, а он был в шубе.

– Более ничем молодые люди не запомнились?

– Никак нет, ничем.

– Ступай, – когда Иванов вышел, Соловьёв произнёс, – Благодарю, господин Вербицкий, за помощь.

Улица встретила надворного советника городской суетой, словно окунулся в воды холодной до озноба реки.

Степановых в столице пруд пруди, поэтому стоит начинать с Гатчины, оттуда наверняка укажут, где искать господина в шубе. Может быть, он запомнил молодых людей, а, может, что и из их разговора. В начале расследования, как говорит Иван Дмитриевич, надо хвататься за любую ниточку и тянуть её, пока она не закончится либо выведет к клубку.

Соловьёв вернулся и отправил телеграмму в Гатчину, попросив, чтобы ответ направили на адрес сыского столичного отделения.

– Иван Иванович, вы вовремя, – вместо приветствия произнёс Путилин, сидевший в излюбленном кресле со скрещёнными на груди руками, – присаживайтесь, – кивнул подбородком на свободный стул. Докладывайте, что у вас.

– Телеграмма послана четвёртого числа сего месяца Сергеем Мякотиным, одетым в гимназическую тужурку, Марии Алексеевне, проживающей на Наличной улице. С Сергеем в почтовом отделении было ещё двое то ли приятелей, то ли знакомых.

– Это уже след, – потёр руки Иван Дмитриевич. – Вы чем порадуете, Василий Михайлович?

– Убитый, в самом деле, Сергей Мякотин, его опознал брат Венедикт.

– Лицо же порезано? – не сдержался помощник Путилина Жуков.

– По рваному шраму на ноге, – бросил хмурый взгляд на Мишу.

– Понятно. – разочарованно произнёс помощник.

– Я разговаривал и с госпожой Мякотиной, и со смотрителем гимназии, и с соучениками убитого. Ничего о нем сказать не могли, кроме того, что был замкнутым и не имел приятелей.

– Любопытно, – добавил Соловьёв, – но Сергей в почтовом отделении был не один, их запомнил чиновник потому, что они шумели.

– Этих двоих сможет опознать ваш чиновник?

– К моему прискорбию, нет, но он запомнил фамилию господина, который сделал замечание молодым людям, – и предвосхищая вопрос Путилина, Соловьёв сказал, – я занят поисками этого господина.

– Немного, но уже кое—что есть, – подвёл итог Иван Дмитриевич, – отсюда следует, что вы, Иван Иванович, занимаетесь поисками господина, сделавшего замечание, и гимназистов....

– Они не были в форменном одеянии.

– Будем их называть так.

Соловьёв пожал плечами.

– Пусть будет так.

– Миша, ты съездишь в Стрельну и пораспрашиваешь про трёх молодых людей, одного в гимназической тужурке и двоих в гражданской, так, Иван Иванович.

– Совершенно верно.

– Вам же, Василий Михайлович, надо посетить квартиру господина Реброва, дяди нашего убиенного. Возможно, что—то расскажет служанка, возможно, дворник, может быть, и соседи, хотя имею сомнение. Более не смею вас задерживать, господа, жду с добрыми новостями.

Глава девятая. Птичник с Петербургской

– Иван Дмитрич, – дежурный чиновник стоял на пороге, – прибыл полицейский из первого участка Петербургской части...

– Убийство, небось, – тяжело вздохнул Путилин, нахмутив брови, и, не дожидаясь ответа, резко поднялся, оттолкнув кресло.

– Так точно, у Сытинского рынка.

– Жуков уехал?

– Нет ещё.

– Передайте, чтобы ждал меня у входа, моё задание для него нынче отменяется.

– Хорошо, – и чиновник кивнул головой, что все передаст Мише.

Путилин поднял руку к лицу, словно что-то забыл, потом взял трость и направился к выходу.

Жуков прохаживался вдоль коляски, которую остановил, чтобы отправиться без задержки на Петербургскую сторону.

Присланный полицейский отбыл, как приказал ему помощник пристава, после доклада о происшествии дежурному чиновнику. По причине, что не узнать подробностей дела, у Ивана Дмитриевича испортилось настроение.

До Мытинского рынка домчались быстро, Путилин всю дорогу созерцал немигающим взглядом спину возницы. Миша старался не касаться начальника, хотя и было в коляске тесно.

Остановились перед домом, перед которым толпились любопытствующие и соседи, наслышанные о кровавом злодеянии. Слухи распространяются быстро, и поэтому в толпе было озвучено с десятков самых нелепых.

На тротуаре Иван Дмитриевич тихонько толкнул Жукова в спину, Миша понял, что необходимо послушать, что говорят обыватели. Сам же Путилин направился к одноэтажному деревянному дому, перед крыльцом которого прохаживался высокий, как коломенская верста, полицейский, при приближении начальника сыскного отделения браво вскинул руку к околышу фуражки. Путилин в ответ кивнул и поднялся по трём ступеням.

Тусклый дневной свет освещал через открытые двери длинный коридор без окон, из одной из комнат слышались глухие голоса. Иван Дмитриевич осмотрелся, тронул тростью тёмное пальто, висевшее при входе на гвозде, и направился к открытой двери.

– Господин Путилин, – навстречу Ивану Дмитриевичу шагнул мужчина, выделявшийся среди присутствующих молодостью и копной светлых волос, – добрый день!

– Здравствуйте, господа, – поприветствовал начальник сыскной полиции присутствующих, – хотя какой он добрый, если такое происходит.

– Помощник пристава Холодович, – отрекомендовался молодой человек и тихим голосом добавил, – коллежский регистратор, – на щеках завоёванных темными редкими волосами выступили алые пятна, словно Иван Егорович стеснялся столь малого чина, – пристав штабс-капитан Мироненко находится в отпуску.

Путилин кивнул головой.

– Коллежский советник Шрейбер, – представил участкового врача Холодович.

– Мы знакомы, – приоткрылся рот врача в улыбке, показывая белоснежные зубы, – и тоже при столь печальных событиях.

– Совершенно верно, Вильгельм Иванович, если мне не изменяет память, то на Большом...

– Да, да, бедный Чернов.

– Что ж, господа, воспоминаниям будем предаваться потом, а нынче, – Путилин на миг сжал губы и продолжил, смотря в глаза помощнику пристава, который под внимательным взглядом Ивана Дмитриевича ещё более покраснел, – так что стряслось?

– Убит хозяин дома некий Синицын, – Холодович прокашлялся, – шестидесяти трёх лет, вдовый. Может быть, нам пройти в комнату, где совершено злодеяние.

– Так будет лучше.

Комната, служившая убитому спальней, была небольшой, где кроме узкой кровати в углу приткнулся шкаф с открытыми дверцами и стул, видимо, исполнявший роль тумбочки.

Старик лежал на спине посреди комнаты, раскидав руки по сторонам, словно напоследок пытался обнять оставленный мир. По правую сторону от убитого лежал старый потёртый ремень, слева – молоток с частицами кожи и волос на рабочей части. Путилин склонился над трупом, рукой в перчатке отодвинул с шеи бороду, под седыми густыми волосами виднелась тёмная полоса.

– Старика поначалу душили, – врач подошёл к единственному в спальне окну, – он даже не сопротивлялся, видимо, не ожидал от знакомого такой подлости.

– Да, – тихо произнёс Иван Дмитриевич, – незнакомца он не впустил бы в спальню и тем паче не повернулся к нему спиной.

– Убийца послу того, как придушил старика, не ожидал, что он может очнуться. Схватил молоток и нанёс смертельный удар.

– Схватил первое попавшееся? – задал вопрос Холодович.

– Отнюдь, – Путилин поднялся, – молоток принесён злодеем, – обвёл спальню взглядом, – нет, нет, старик не мог разбрасываться инструментом. Вы заметили, – Иван Дмитриевич вновь посмотрел на помощника пристава, – у хозяина везде порядок, не смотря на погром убийцы. Этот что–то искал ценное, поэтому именно он принёс молоток, приготовил орудие убийства заранее. Что известно о Синицыне?

– Как я сказал, шестидесяти трёх лет, вдов, имел птичью будку на Сытнинском рынке, целые дни проводил там.

– Кто обнаружил убитого?

– Внучка Софья, изредка приходила к деду, наводила порядок и иногда готовила. Вы можете с ней сами поговорить, – Холодович оживился, – она ещё здесь. Позвать?

– Не стоит, – Путилин поморщился, словно хотел сказать, что при убитом не следует это делать. – Старик в вашем распоряжении, – Иван Дмитриевич сказал врачу, – а вы, господин Холодович, прикажите увезти убитого в анатомический.

– Я больше не нужен? – Вильгельм Иванович надел шапку.

– Нет, я вас не смею задерживать, далее уже наша работа.

– До свидания, – врач коснулся рукой головного убора и вышел.

Путилин снова окинул взглядом спальню. Одеяло и простыни сбиты, словно убийца надеялся найти под ними золотые копи, дверцы шкафа открыты и на полках виднелся беспорядок. Явно убийцы искали либо деньги, либо ценные вещи. Придвинули стул ближе к шкафу, чтобы проверить и на верху, не спрятано ли что там.

Когда унесли убитого, Путилин попросил пригласить Софью.

В спальню несмелыми шагами вошла девушка лет шестнадцати, с испуганным лицом и слезами на глазах, которые вытирала маленьким кулаком.

– Здравствуй, – Путилин подошёл к Софье и вынутым платком из кармана вытер её щеки и глаза, – теперь ничего невозможно исправить, смерть, она за каждым из нас придёт в назначенный час, а вот сейчас в твоих силах нам помочь поймать этого нелюдя.

– Я? – Удивилась девушка. – Чем же я могу помочь, ведь никого не встретила, да и пришла к деду, когда...

Рука Ивана Дмитриевича вновь прошла по щекам девушки.

– Ты часто бывала здесь?

– Каждую неделю по два—три раза.

– Вот, – начальник сыска смотрел в глаза Софьи участливым взглядом, – тогда ты наверняка сможешь сказать, что исчезло.

– Смогу, – кивнула девушка.

– Господин Холодович, – обратился Путилин к помощнику пристава, – записывайте.

Иван Егорович нервно засопел, но приказание начальника сыскного отделения исполнил, полицейский из участка принёс перо, чернила и бумагу. И теперь носил чернильницу за Холодовичем.

Прошли три комнаты дома, не исключая и кухни. Список оказался невелик, несколько серебряных безделушек, носильные вещи старика и шкатулка, в которой Синицын хранил свои сбережения.

– Скажи, Софья, – спросил уже при выходе из дома Путилин, – почему ты не жила с дедом?

Девушка опустила голову и покраснела.

– Мне отец не разрешал, они с дедушкой поссорились и знать друг дружку не хотели, вот я с вёдома матушки сюда и навещалась.

– А где проживаешь?

– На двадцать пятой линии, только, – девушка сконфуженно произнесла, – не говорите батюшке, что встретили меня здесь, иначе, – и она до крови прикусила нижнюю губу.

– Обещаю, – сказал Путилин, – но если понадобится, тебя найдёт мой помощник, вот он.

К Путилину со спутницей приближался Михаил с хитринкой во взгляде, словно узнал в толпе что—то стоящее.

– Ну, ступай, – Иван Дмитриевич легонько подтолкнул в плечо Софью, – вижу, вижу, что новости несёшь. Давай, братец, просвещай меня по нашему, ставшему теперь, делу.

– Погодите, Иван Дмитриевич, – Жуков зашептал Путилину на ухо, – видите, кого помощник пристава в сторону отводит?

– Неужели Петька Голдыш? – Изумился начальник сыска.

– Он самый, – подтвердил Миша, – посмотрите на его лицо. Неспроста он здесь появился! Ох, неспроста.

– Думаю, ты прав. Пока с ним господин Холодович беседует, рассказывай, что удалось узнать? Вижу, так и пышешь сведениями.

– Кое—что удалось узнать, – таинственно прошептал Жуков.

– Не томи.

– Серафим Елантиевич Синицын жил бобылём...

– Это я знаю, далее.

– Имел будку на Сытнинском рынке, где торговал птицами. Говорят, что деньги у него водились, но самое главное, что день тому ныне убиенный приходил к околоточному и жаловался, что днём к нему в дом залезли воры и украли вещей на тридцать целковых, даже ризы сорвали с икон, видимо, подумали, что они золотые. Но околоточный Сазонов только посмеялся над стариком и заявил, что тому привиделось.

– Любопытно.

– Вот именно, Сазонов даже не ходил в дом, когда старик заявил, что дверь не взломана с стекла целы.

– Голдыш?

– Может быть, он же по таким делам.

– Поговору с Холодовичем, я видел, как он то ли целковый, то ли трёшку сунул Петьке.

Подходить к помощнику пристава не пришлось, он сам подошёл к начальнику сыска.

– Я думаю, дело скоро разрешиться наилучшим образом, – лицо Холодовича светилось довольством и глаза блеснули от удовольствия, что, мол, и без сыскной обойдусь.

– Уж не с Петькиной ли подачи? – Путилин смотрел не на Ивана Егоровича, а за Голдышем, наблюдая за поведением и чувствами, читаемыми на круглом со шрамом над верхней губой лице, а самое главное Иван Дмитриевич не упускал из виду взгляд Петьки, какой —то настороженный и цепкий.

– Да, – признался помощник пристава, – он мне доложит об убийцах, сегодня разузнает.

– Убийцах? – Путилин прикусил губу.

– Так точно, я ему сказал.

– Понятно, пойду все же с ним поговорю.

– Господин Путилин, – обиженно произнёс Холодович, – вы отбиваете у меня агентов.

– Я только перекинусь несколькими словами.

Иван Егорович тяжело задышал, словно остался недовольным, что столичный сыскной начальник стремится отобрать у него лавры нашедшего убийц.

Иван Дмитриевич вальяжной походкой большого начальника подошёл к Петьке Голдышу и, взяв за руку, отвёл подальше от любопытствующей толпы.

– Ну, здравствуй, Петя, – слащавым и нежным голосом проворковал Путилин, когда они отошли на большое расстояние по улице.

– Здравия желаем, Ваше Превосходительство, – громким голосом ответил Голдыш.

– Не на параде, не кричи, забыл моё имя— отчество, – поморщился Иван Дмитриевич и добавил, – какими судьбами.

– Никак нет, Иван Дмитрич, не забыл. А здесь, – Петя сглотнул скопившуюся слюну, – шел на рынок, увидел толпа стоит, вот любопытство верх и взяло.

– Ясенько, – теперь они стояли друг против друга, и Путилин внимательным взглядом следил за глазами и лицом Голдыша, – уж не твоих ли рук дело?

– Да что вы, Иван Дмитрич, – глаза забежали и казалось, что собеседник Путилина втянул голову в плечи, – вы знаете ж, я по другой части. Ну, там замок взломать, шапку с головы содрать, пьяного обчистить, а чтоб кровью руки марать... Ни в жисть.

– Кто знает, Петя, – взгляд начальника сыска прямо таки буравил Голдыша, – на что человек способен, сегодня шапку сорвал, а завтра голову.

Голдыш посерел лицом.

– Ладно, Петя, ступай, раз помощнику пристава обещал злодеев указать, ступай.

Глава десятая. По горячему следу

– Вот что, Михал Силантич, – Путилин всегда в задумчивости обращался так к Жукову, – на соседней улице проживает в небольшом домике с приметной зелёной крышей Двойра Бройде, хотя она и швея, но не брезгает скупать вещи, не интересуясь каким путём, они достались новым владельцам. Бери двух наших агентов и установи за ней наблюдение, и чтоб каждую минуту была она под надзором. Думаю, Петька или его напарник явятся к ней.

– Иван Дмитрич, а что к ней? Есть же и другие скупщики.

– Чую, что к ней направит стопы Голдыш.

– Все таки он?

– Миша, – Путилин потер нос рукой, – ты бы видел, как бегали его глазки, судорожно глотал слюну, словно ждал, что я кликну полицейских и его арестую, только кроме подозрений мне нечего ему предъявить.

– Значит, Двойра?

– Она, её сразу узнаешь, дородная женщина с круглым лицом и черными цыганскими волосами.

– Понятно.

Более делать на месте преступления было нечего и, откланявшись, Путилин отправился в сыскное отделение. Дорогой перебирал слова Голдыша и вспоминал выражение, нервическое поведение. В конечном итоге склонился к мысли, что Петька не зря прятался в толпе, видимо, отводил от себя подозрение. Кто ж в здравом уме вернётся на место преступления, а ежели кто из соседей его видел, а тут же в толпе признает? Конфуз настоящий выйдет, а помощник пристава вместо того, чтобы вести расследование, имеет доверие к таким личностям, как Петька Голдыш или, как его по паспорту? Ткаченко Пётр Иванов, крестьянин, тридцати восьми лет, неженатый, осуждённый за кражу и присвоение чужой недвижимости Мирowym Судом 2 участком Пирятского округа по, вроде бы, сто шестьдесят девятой и сто семьдесят седьмой статьями Уложения о наказаниях на три месяца, далее, Иван Дмитриевич на миг задумался, ах да, присуждён Санкт—Петербургским Окружным судом за кражу первого рода, на основании первой части тысяча шестьсот сорок седьмой, второго пункта сто тридцать четвертой статьи Уложения, восемьсот двадцать восьмой Устава уголовного суда и прочая, прочая на арестантское отделение на один год и три месяца. Ой, Боже, взмолился Путилин, сколько в голове сидит сведений, хоть к журналисту сыскной полиции не ходи, все помнит, а если и не помнит, так всплывает непонятно откуда.

Не успел повесить лёгкое пальто, как в дверь раздался требовательный стук.

Не иначе вышестоящее начальство прознало про происшествие на Петербургской стороне, мелькнуло в голове, и вылетела мысль прочь.

Вместо того, чтобы голосом пригласить войти стучащего, Иван Дмитриевич сам отворил дверь.

На пороге стоял, подняв руку вверх, чтобы ещё раз громоподобно постучать, адъютант помощника градоначальника генерала Козлова ротмистр Семичев.

– Позволите? – адъютант опустил руку.

– Пожалте в мои хоромы, – Иван Дмитриевич отступил в сторону, пропуская поручика.

– Иван Дмитриевич, я вот по какому делу, – ротмистр прошёл к столу и сел на стул. Закинув ногу на ногу, – вы же знаете, что доброхотов в нашем ведомстве много, особенно ваших, вот градоначальнику доложили о зверском убийстве на Петербургской стороне и с такими подробностями, словно сами это преступление и совершили, – Семичев засмеялся, – имейте в виду этих доносителей в виде подозреваемых. Так вот Александр Алексан-

дрович советует не затягивать с поимкой убийцы, сами понимаете... — и рука в перчатке указала куда—то вверх.

— Я все понимаю, — Путилин шумно опустил в кресло, — и прошу три дня, чтобы в течении них, меня никто не беспокоил, — пришла очередь Ивана Дмитриевича указать пальцем вверх.

— Иван Дмитриевич, трёх дней будет довольно? Вы же понимаете, что помимо Александра Александровича и Фёдора Фёдоровича найдутся доброхоты, которые доложат Государю не в лестных словах о бездействии сыскной полиции.

— Достаточно.

— Тогда не смею вас отвлекать от поисков злоумышленников, — Семичев поднялся, надел фуражку, потом поправил ремень и, приложив руку к козырьку, сказал, — честь имею!

Путилин откинулся в кресле, повернув голову в сторону окна. Настроение не давало повода для веселья.

Что за служба? Чертыхнулся он, каждый раз одно и то же, словно кто—то ходит по пятам и учитывает только промахи, сделанные при расследованиях. Бог с ними, пронеслось и исчезло, а голова наполнилась мыслями о старике с Петербургской стороны.

Если за день до убийства кто—то сделал попытку ограбить Синицына, то почему сразу не прихватили вещи, шкатулку, серебро? Искали более ценное? И чтобы не привлечь внимание, взяли только незначительное? Нет, скорее всего, это были разные люди и первые не нашли ценного. Но вот почему на следующий день взяли больше? Нашли? Были более удачливые? Значит, вторые не знали, что старик навестил околоточного. Загадка.

Со счетов все—таки не стоит сбрасывать Петюню Голдыша, то есть ранее судимого крестьянина Ткаченко. То, что он замешан в настоящее дело, нет сомнений.

Миша, переодетый в рваную поддёвку и без рубахи, третий час мерз на улице возле дома Двойры Бройде. Вроде бы апрель, днём солнце пригревает так, что хочется остаться в одной рубашке, а под вечер меняется все. Рядом находился трактир, из которого доносился запах перегретого масла, лука и чеснока, покосившееся крыльцо само говорило о нерадивых хозяевах.

Сыскной агент, взятый в помощь Жуковым, находился по другую сторону от дома скупщицы, чтобы иметь возможность видеть чёрный ход.

Ближе к полуночи Мише наконец улыбнулась изменчивая судьба, вышедшие из трактира два подвыпивших, небрежно одетых, мужчины в разговоре не упомянули бы имя «Петька». Жуков напряг слух и шатающейся походкой, насколько было возможно, приблизился к беседующим.

— А я, Гришка, все ж молодец, что не пошел вчера с Петькой на работу, — пьяно проговорил вышедший и, достав из кармана красненькую бумажку, похвалился, — вот червонец мне отвалил, а мне больше не надо.

— Ты про Голдыша говоришь? — спросил тот, которого назвал собеседник Гришкой.

— Дак, про кого ещё?

— Моли Бога, что не был с Петькой.

— А что?

— Не знаешь, куда тебя он звал?

— Не—а, — икнул безымянный.

— Тебе, Васька, повезло, — и Гришка понизил голос, приблизив лицо к уху собеседника, — что вчера в участке ночевал, не то вся полиция на ногах, убийцу ищет.

— Убийцу? — Поперхнулся Васька и, хотя его не было видно в темноте, но даже Миша почувствовал, как тот побледнел.

— Вот так—то, ты глазищи свои залил, кабы самому в участок вновь тебе не попасть.

– Да что я? Я ж ничего...

– Оно так, а ты потом этим Расскажи, что с Голдышем не был, а он, гад, ухлопал птичника с Мытнинской.

Васька присвистнул.

– За Петькой крови никогда не было?

– Не было, а ныне вот целая река. Говорят всего чуть ли не на куски порезали.

Да ты что? Вот он мне червонец и отвалил, видно большой куш там взял. То—то я только Петьку встретил, а других нету сегодня.

– Так он не один там был?

– Не, с ним еще двое. Помнишь, утром на Сенной мы Кузьку Добрянского встретили, в пальто новом, сапогах.

– Это какой Кузька?

– Тот, что любит трубку сосать. Я ж и удивился, что всегда потёртый ходил, а тут пальто справное, сапоги кожаные, – и Васька покачал головой, то ли от зависти, то ли от досады, что на работу с Голдышем не пошёл.

– Повяжут их, вот тогда радёшинек будешь, что с ними не пошёл.

– Да кто их повяжет? Участковые, что ли? Так они дальше своего носа ничего не видят.

– Говорили, Путилин приезжал.

– Ну, от него подальше надо быть, он, как конь, землю роет.

– Ты сегодня куда? – Спросил Гришка.

– К Машке поеду, раз деньги появились. Давненько у неё не был.

– Ладно, Васька, а я к себе.

И собеседники разошлись в разные стороны.

Миша подозвал агента, чтобы тот помог доставить в сыскное Ваську, который не успел сообразить, как оказался в коляске, зажатый между двумя незнакомцами.

– Э, полегче, – попытался вырваться, но вновь был усажен на скамью, а один из незнакомцев, тот что помоложе прошипел сквозь зубы:

– Ещё раз дёрнешься, по шее получишь. Понял?

– Понял я, понял, – Васька так и просидел тихонько между незнакомцев, только все гадал, куда его везут, пока не проехали по Троицкому мосту, только здесь он понял, что везут в сыскное отделение. Васька успокоился, за ним больших дел не числилось, а к Голдышеву злодеянию он отношения не имел.

Миша сошёл с коляски первым.

– Прошу, – и на губах промелькнула улыбка.

Васька засопел, оглядевшись по сторонам, видимо хотел рвануть от сыскных агентов, но посмотрев на Жукова и прохаживающегося рядом полицейского, решил не испытывать судьбу и покорился ее течению.

– Иван Дмитрич у себя, – Миша поинтересовался у дежурного чиновника.

– Да.

Миша тихонько подтолкнул в спину Ваську.

– Что стоишь? Поднимайся по лестнице.

У двери кабинета начальника сыска Жуков остановился и приказал сопровождающему агенту составить компанию Ваське, сам же постучал и сразу же вошёл.

– Вот пока все сведения, – Миша рассказал о подслушанном разговоре и немного лукавил, все—таки ожидая добрых слов от Ивана Дмитриевича.

– Молодец, – Путилин иногда скупился на похвалы сотрудникам, но сегодня не сдержался, даже поднялся с кресла и начал прохаживаться по кабинету, потирая руки, – и где сей Василий?

– В коридоре.

– Похвально, Миша, что сразу его из огня да в полымя, ве́ди. Погоди, – Иван Дмитриевич прикусил губу, словно что—то задумал, потом произнёс, – ве́ди, это пустое.

Через минуту в кабинет вошёл оробевший Васька, остановился в нерешительности на пороге, исподлобья осматривая сидевшего в кресле Путилина. Ноги дрожали, что подталкивающий сзади агент не мог сдвинуть с места задержанного.

– Проходи, – тихим спокойным голосом произнёс Иван Дмитриевич, и на лице появилась такая добродушная улыбка, что казалось, что он к себе в гости зазвал давнего приятеля.

Васька набрался смелости и приблизился к столу, у которого застыл подобием кобры перед закликателем змей.

– Василий, ну что столпом соляным стал, – добродушие так и струилось из уст Ивана Дмитриевича, – присаживайся, у меня всего—то несколько вопросов.

– Я, – побледневший Васька набрался смелости и присел на краешек стула, в любую минуту готовый с него вскочить, – я, – и умолк.

– Не хочу тебя мучить вопросами, расспросами, – начал Путилин, – ты, небось, меня знаешь?

– Ещё бы, – Васька опять сглотнул скопившуюся слюну, – кто ж в столице Путилина не знает.

– Тогда ты должен быть наслышан, что мне надобно говорить исключительно правду. Васька только кивнул головой.

– Хорошо, тогда не буду вола крутить за хвост, где Петьку Голдыша найти я знаю, за ним агенты уже поехали, а вот Кузьку Добрянского, по прозвищу Добрый, не сомневайся, найду, но хотелось бы побыстрее, ты ж знаешь, что в сыском деле невпроворот и не хочется отвлекаться на него.

Кадык Васьки дёрнулся, правой рукой почесал затылок.

– Иван Дмитрич, – зыркнул на начальника сыска, перебьёт или нет, но Путилин привык к такому обращению со стороны преступников. Наоборот, это как—то настраивало на доверительный лад, – сегодня в ночлежном доме у Лавры.

– Это в Чернореченском.

– Там.

– И в котором часу он появится в ночлежном доме?

– Кто ж его знает? – Васька осёкся, исподлобья посмотрел на Путилина. – Но обещался там быть после полуночи.

– Ладно, Василий, сегодня придётся тебе в камере посидеть.

– Эт мы понимаем, – обрадовался допрашиваемый и добавил. – у вас тепло да утром каша справная...

Глава одиннадцатая. В ночлежном доме

До Чернореченской, хотя и было, недалеко, но времени совсем не оставалось. Часы давно пробили полночь, можно упустить Кузьку Добрянского. Узнает об аресте Голдыша и ищи по России.

Задержать Петьку Иван Дмитриевич решил с утра, тем более, что тот ни сном, ни духом о скопившихся над головою тучах.

Путилин поднялся из—за стола и подошёл к шкапу и распахнул дверцы, на одной створке изнутри вставлено большое зеркало, а крючках, прибитых к задней стенке висело чистое, но заношенное с заплатками одеяние. Иван Дмитриевич посмотрел в зеркало, повернув голову сперва вправо, потом влево.

— Хорош, — пробубнел он и скривился, — кистеня только и не хватает.

Переодевание заняло немного времени, дольше возился с бородой и париком, чтобы, не дай Бог, не в подходящий момент съехали в сторону или того хуже оказались на полу.

Осмотрел себя с головы до пят.

«Ничего, — пронеслось в голове, — в темноте, а тем паче при свете лучины или свечи меня не опознать».

На звонок явился дежурный чиновник с красными от бессонницы глазами, дежурит третью ночь, напросился у начальника, что сна лишился и теперь мается. На Ивана Дмитриевича посмотрел без удивления, привык к перевоплощения за время службы.

— Жуков здесь?

— Да, чай гоняет.

— Позови—ка его ко мне.

Чиновник вышел, тихонько затворив за собою дверь.

Миша же зашёл, как всегда без стука.

— Иван Дмитрич, звали?

Путилин почесал ухо.

— Да, Миша, — с огорчением произнёс начальник сыска, — с тобой соваться в ночлежный дом не просто опасно, а прямо таки преступно.

— Иван Дмитрич. — обиженно засопел Жуков, — через некоторое время вы меня не узнаете.

— Нет, Миша, — решительным голосом оборвал помощника Путилин, — зови Ваську, придется его с собой брать.

— Но...

— Миша, — прикрикнул начальник сыска и совсем тихо продолжил, — Василия приведи и побыстрее, времени остаётся все меньше.

Жуков вылетел из кабинета, он так и не понял по поводу времени, но не стал больше изводить начальника словами.

В камере пришлось будить Ваську, который развалился на тонком матрасе и оглашал богатырским храпом не только место своего ночлега, но и прилегающий коридор.

— А? Что? — тёр глаза задержанный.

— Пошли, — кивнул головой Жуков, — Иван Дмитрич зовёт.

— Ну вот, — тяжело вздохнул, — я ж все рассказал.

— Ступай.

Увидев в кабинете стоящего у окна какого—то босяка в рваной, но чистой одежде, с окладистой наполовину седой бородой и космами нечёсанных волос на голове, Васька по хозяйски прошел к столу и опустился на обитый синим бархатом стул. Закинул ногу на ногу и небрежно посмотрев через плечо на Мишу, произнёс:

– Ну и где, Иван Дмитрич? Я чаю горячего хочу и спать.

Жуков с усмешкой во взоре смотрел на начальника.

– Василий, внимательности у тебя нет, – Путилин заложил большие пальцы рук за веревку но поясе, заменявшую ремень.

– Я, – только и сумел выдавить из себя задержанный, узнав голос Ивана Дмитриевича, и рот приоткрылся в изумлении.

– Я – это. я, – проговорил начальник сысской полиции.

– А...

– Сегодня, видно, придётся, Василий, нам остаться без сна.

Задержанный сделал руками в воздухе несколько движений и замер, не закрывая рта.

– Вижу, Василий, твои сапоги прохудились, деньги иногда имеешь, а ноги мокры.

– Да я...

– Именно ты, мы, кажется, размером схожи, – Иван Дмитриевич достал из шкапа новые сапоги, – надевай, – и не дав ничего сказать задержанному, добавил, – надевай, нам сегодня одно дело предстоит и я не хочу, чтоб ты приболел после него.

Василий повиновался явно с удовольствием, поднялся и сделал несколько шагов по кабинету.

– Не жмут?

– В самую пору, – заулыбался задержанный.

– Пальтишко смени, – и Путилин протянул верхнюю одежду из заветного шкапа, – великовато, но ничего, зато без заплаток. А теперь, поговорим, как мужики.

– Всегда готов, – глаза Василия блеснули и стыдливо добавил. – это мне?

– Тебе, считай мой подарок.

– Благодарствую, Иван Дмитрич, – руки гладили лацканы пальто, – как я понимаю, нам с вами придётся на Чернореченскую?

– Быстро схватываешь.

– Господин Путилин, я...

– Василий, я ж понимаю, что среди тех людей тебе жить, ты только здороваешься там: «Здравствуй, Кузьма» и все, можешь быть спокоен, что кто—то тебя заподозрит.

– Как Иуда...

– Василий, ты благодари Бога, что отвёл тебя от вчерашней крови. Не то я пустился искать по столице тебя.

– Знак свыше, – задержанный перекрестился.

– Договорились?

– Что мне остаётся, – посетовал Василий, – только вот оставили вы меня, Иван Дмитрич, без пайки утренней, – и посмотрел на начальника сыска карими глазами.

– Не забыл я, – и Путилин протянул задержанному зелёную банкноту, которую с начала разговора держал в руке.

– Благодарствую, Иван Дмитрич, спаситель вы мой.

Доехали до опустевшей Зимней Торговой площади, далее Путилин с Васькой по тележной улицы пошли пешком, чтобы, не дай Бог, кто не заметил из знакомцев. Миша с двумя агентами поехал дальше, чтобы там ждать, когда Иван Дмитриевич выведет Кузьму на свежий воздух. В ночлежном доме опасно арестовывать Добрянского, там много босяков, которые на дух не переносили людей в полицейской форме.

Двери ночлежного дома открывались в восемь часов и до полуночи заполнялся настолько, что некоторым припозднившимся приходилось спать на полу, но один из углов всегда был свободен и там отдыхали, вернее, отсиживались после совершенных налётов, краж или иных более тяжких злодеяний некоторые злоумышленники. Иван Дмитриевич об этом знал, сколько раз совершались облавы и все впустую, то ли кто—то из участка пре-

дупреждал, то ли стоят, как они говорит, на стрёме мальчишка, которому гривенник от щедрой души положат. Вот и сейчас Путилин, хоть и шёл с виду спокойным, а на душе кошки скребли. Не за себя, а за Ваську. Себя перестал жалеть четыре года тому, когда из—за измены ушла жена с детьми. Тогда так тоскливо стало на душе, что стал сутками пропадать на службе и старался сам идти туда, где более всего опасности. То, что его никто не узнает, он уверен, не первый раз лезет в такое место, ведь не посылать же в осиное гнездо Мишу. Слишком молод и горяч, голова, конечно, на месте, но вот иногда сперва делает, а уж потом голову прилагает. Учишь — учишь, толк есть, но прорывается взрывная натура. Вот кто всегда с холодной головой, так штабс—капитан Орлов. Умница, хотя...

— Че надо? — раздался голос над ухом, до входа в ночлежный дом оставалось несколько шагов.

— Дык холодно на улице, — заискивающим тоном произнёс Путилин, за его спиной стоял Васька.

— Местов нет.

— Нам бы с приятелем, хоть под нарами, хоть в проходе.

— А деньги есть?

— Эт мы приготовили, — и Иван Дмитриевич достал из кармана шесть монет покопейке.

— Тады сами ищите себе там, — человек неопределённо указал рукой, — шоб я вас тут не видел.

Путилин со спутником быстрым шагом вошли в дом. В носу защипало от тяжёлого запаха немытых тел, дыма от дешевого табака, прокисшей пищи.

— Там, — Васька тронул Путилина за рукав и повёл на второй этаж, где тяжёлый дух, казалось, посвежел, и дышать стало легче, — Ваня, — прошептал попутчик, — платить не надо было бы, я ж заветное слово знаю.

— Не светись, — только и произнёс Путилин, пока не пришли в заветный угол.

Добрянского не было.

Путникам оставалось только одно, лечь на скрипучие доски нар, покрытым таким тонким матрасом, что ребра чувствовали каждую дощечку.

Ожидание не добавляло радости, Васька один раз поднимался и уходил. У Ивана Дмитриевича начинало стучать, не иначе бешеное, сердце. А вдруг Васька предупредит преступников, тогда от начальника сыскной полиции ничего не останется. Рядом Нева, камень на ноги и на корм ракам и рыбам. Путилин прислушивался к каждому звуку, сжимаю ставшую тёплой рукоять пистолета.

Спокойствие начало покидать Путилина, а скорее всего нетерпение, хотелось, чтобы начавшееся несколько часов в кабинете, наконец, закончилось.

Прошёл час прежде, чем раздались тяжёлые шаги. Со своего места в свете лампадки, висящей у образа Спасителя, Путилин видел, как возле двух ярусных нар остановился мужчина с круглым скуластым лицом, пересечённым под носом пышными усами. Глаз Иван Дмитриевич пришедшего не видел, но чувствовал, как они цепко осматривают окружающее.

Васька не подвел.

— Кузя, ты? Что так поздно?

— А что?

— Потопишь, как медведь на овчарне, спать не даёшь.

— Молчи. — беззлобно прошипел Добрянский, — хотел бы спать. Так без задних ног дрых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.